

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫПУСК 3 (21)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

12+

2018

**БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ВЕСТНИК

**Сургутского государственного
университета**

Научный журнал

ВЫПУСК 3 (21)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**Сургут
2018**

Учредитель и издатель:

бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Главный редактор:

Литовченко Ольга Геннадьевна, д. б. н., доцент

Ответственный редактор:

Чалова Анна Петровна, к. филол. н.

Редакционный совет

Биологические науки:

Аракелян Петрос Карпетович, д. в. н., профессор
Вартапетов Лев Гургенович, д. б. н., профессор
Говорухина Алена Анатольевна, д. б. н.
Логинов Сергей Иванович, д. б. н., профессор
Мецераков Виталий Витальевич, д. м. н., профессор
Науменко Николай Иванович, д. б. н., профессор

Нифонтова Оксана Львовна, д. б. н., доцент
Свириденко Борис Федорович, д. б. н., профессор
Стариков Владимир Павлович, д. б. н., профессор
Шалабодов Александр Дмитриевич, д. б. н., профессор
Шепелева Людмила Федоровна, д. б. н., профессор

Экономические науки:

Бархатов Виктор Иванович, д. э. н., профессор
Владимирова Татьяна Александровна, д. э. н., профессор
Галазова Светлана Сергеевна, д. э. н., профессор
Грошев Александр Романович, д. э. н., профессор
Зырянова Татьяна Владимировна, д. э. н., профессор
Каратаев Алексей Сергеевич, д. э. н., профессор
Карзаева Наталья Николаевна, д. э. н., профессор

Мильчакова Наталья Николаевна, д. э. н., профессор
Ниценко Виталий Сергеевич, д. э. н., доцент
Сахаров Геннадий Владимирович, д. э. н., профессор
Сверчкова Ольга Федоровна, д. э. н., доцент
Чуланова Оксана Леонидовна, д. э. н., доцент
Ямпольская Наталья Юрьевна, д. э. н., доцент

Юридические науки:

Архипов Игорь Валентинович, д. ю. н., доцент
Белкин Анатолий Рафаилович, д. ю. н., профессор
Борков Виктор Николаевич, д. ю. н., доцент
Дежнёв Александр Сергеевич, д. ю. н., доцент
Дядькин Дмитрий Сергеевич, д. ю. н., доцент
Жаров Сергей Николаевич, д. ю. н., доцент
Зайцева Лариса Владимировна, д. ю. н., доцент
Зеленцов Александр Борисович, д. ю. н., профессор
Ибрагимов Солиджон Ибрагимович, д. ю. н., профессор
Казанцев Михаил Федорович, д. ю. н.
Кодинцев Александр Яковлевич, д. ю. н., доцент

Попова Лариса Александровна, к. ю. н., доцент
Руденко Виктор Николаевич, д. ю. н., профессор,
чл.-корр. РАН
Саликов Марат Сабирьянович, д. ю. н., профессор
Сергеев Андрей Борисович, д. ю. н., профессор
Филиппова Наталья Алексеевна, д. ю. н., доцент
Фролова Наталья Владимировна, д. ю. н., доцент
Шабуров Анатолий Степанович, д. ю. н., профессор
Шарапов Роман Дмитриевич, д. ю. н., профессор
Ястребов Олег Александрович, д. ю. н., профессор
Яцук Татьяна Федоровна, д. ю. н., профессор

Издается с декабря 2013 года
Выходит 4 раза в год

Решением Высшей аттестационной комиссии с 30 ноября 2017 года журнал включен
в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты дис-
сертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
по следующим группам научных специальностей:
03.02.00 Общая биология, 03.03.00 Физиология, 08.00.00 Экономические науки, 12.00.00 Юридические науки.

Полные тексты статей размещаются на странице журнала на сайте surgu.ru и в базе данных
Научной электронной библиотеки на сайте elibrary.ru,
сведения о публикуемых материалах включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Подписной индекс Объединенного каталога «Пресса России» 43401.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых ком-
муникаций 03.07.2015 г. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-62336.

Адрес редакции:

628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1, к. 324.
Тел. (3462) 76-29-88, факс (3462) 76-29-29, e-mail: chalova_ap@surgu.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Авдеева В. П.	
Механизм защиты интеллектуальных прав на нематериальное наследие коренных малочисленных народов	4
Коваль А. В.	
Размер взятки как критерий дифференциации ответственности за взяточничество	9
Любаненко А. В., Трухин Н. В.	
Правовые проблемы применения труда несовершеннолетних при производстве и публикации видеоматериалов в интернете	15
Манин В. А.	
Формирование правового регулирования в сфере охраны правопорядка в системе горно-заводского управления на Урале в первой половине XVIII в.	20
Попова Л. А.	
Правовое регулирование информационного противодействия распространению экстремизма и терроризма в России	25
Слободенюк М. А.	
Криминологическая характеристика насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними по мотиву национальной ненависти	29
Стенина Л. Л.	
Организационно-правовые основы экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел	36
Сурихин П. Л.	
Вопросы систематизации норм уголовного права на примере преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков	39
Ушакова Т. А.	
Некоторые особенности правовой регламентации рецидива в уголовном законодательстве стран европейской части бывшего СССР	47
Шабуров А. С.	
«Развитие» и «совершенствование» законодательства: проблемы соотношения понятий ...	54
Шеслер А. В., Шеслер С. С.	
Совместность совершаемого преступления как признак соучастия	59
Сведения об авторах	66
Правила направления, рецензирования и опубликования материалов авторов	68

УДК 347.77(470)

Авдеева В. П.
Avdeeva V. P.

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НА НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

SYSTEM OF INTELLECTUAL RIGHTS PROTECTION TO INTANGIBLE HERITAGE OF INDIGENOUS PEOPLES

Проведен анализ правовой базы законодательства об интеллектуальной собственности России в контексте защиты нематериального наследия коренных малочисленных народов. Обнаружены пробелы законодательства. На этой основе, с учетом практики Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и ЮНЕСКО предложена концепция изменений в законодательство России.

The article considers the legal system analysis in the sphere of the Russian intellectual property legislation for the purposes of protection of peoples' intangible heritage. Gaps in legislation are revealed. The concept of changes to legislation is proposed. It bases on practice of WIPO (World Intellectual Property Organization) and UNESCO.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, нематериальное наследие народов, механизм правовой защиты, культурные ценности.

Keywords: intellectual property, peoples' intangible heritage, legal remedy, cultural values.

В России проживают порядка двухсот народов [4]. Особо охраняются государством права коренных малочисленных народов (далее – КМН) [6]. Сегодня поднимается вопрос о сохранении не только материального наследия КМН (особо охраняемых территорий, памятников истории и культуры, традиционных форм хозяйства). Востребованными становятся вопросы защиты прав КМН на нематериальное наследие, к которому стоит отнести языки, культурные ценности, традиции, обряды, символику, фольклор, традиционные методы врачевания, традиционные и экологически безопасные методы ведения хозяйств, традиционные технические решения (народные изобретения), а также возможности КМН получать доходы от пользования объектами нематериального наследия [2].

Формы и способы использования объектов нематериального наследия КМН могут быть самыми разнообразными: организация зрелищ, съемка телепередач, фильмов, рекламных роликов, в которых воплощены обряды, праздники КМН, изготовление и продажа музыкальных инструментов, предметов традиционного ремесла, одежды с использованием символики или традиционной технологии изготовления. Например, на модельном подиуме презентуется коллекция одежды с использованием сакральной символики северного народа. Никто, кроме представителей этого народа, не понимает значение символики, и публику привлекает лишь северный колорит представленной одежды. В то же время чувства представителей народа могут быть глубоко затронуты подобным использованием символики. В связи с этим правомерно возникают вопросы защиты права КМН на использование своей символики: может ли КМН давать разрешение на использование объектов нематериального наследия другими лицами? Может ли часть выручки от продажи или иного использования объектов нематериального наследия поступать в собственность КМН (например, в собственность общины)? Предусмотрена ли ответственность за невежественное или несогласованное с общиной использование объектов нематериального наследия КМН [2]?

На сегодня правовая база охраны прав КМН на нематериальное наследие представлена положениями Конституции РФ (ст. 44), законодательством о культуре [7–12] и специальными законами о гарантиях прав КМН [7]. Конституция РФ предусматривает право каждого на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (п. 2 ст. 44), обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (п. 3 ст. 44). Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и принятые в его развитие указы Президента РФ и постановления Правительства РФ к объектам культурного наследия относят *предметы материальной культуры* и предусматривают механизм охраны, использования и популяризации, владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия как предметами материального мира (ст. 3) [7–9, 11]. Исключение составляет Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики», в котором под культурным наследием понимается «совокупность предметов, явлений и произведений, имеющих историческую и культурную ценность. Культурное наследие включает в себя *материальное культурное наследие... и нематериальное культурное наследие* (языки и диалекты, традиции, обычаи и верования, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп, русская литература и литература народов России, музыкальное, театральное, кинематографическое наследие)» [10]. Основы законодательства РФ о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 29.07.2017) определяет *культурные ценности* как «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» (ст. 3) [12]; а *культурное наследие* народов РФ – как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» (ст. 3) [12].

Законодательство о культуре предусматривает, в частности, механизм охраны и защиты культурных ценностей (культурного наследия), реализации права каждого на доступ к культурным ценностям, на занятие культурной деятельностью в целом. Однако механизма охраны и защиты культурных ценностей и культурного наследия как объектов интеллектуальных прав законодательство о культуре не предусматривает. Если мы обратимся к законодательству о КМН России, то также не обнаружим норм об охране и защите интеллектуальных прав КМН на созданные им нематериальные объекты культурного наследия (федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ в ред. от 13.07.2015 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [6].

Можем ли мы использовать механизм защиты интеллектуальных прав (интеллектуальной собственности), который закреплен Конституцией РФ (п. 1 ст. 44) и гражданским законодательством РФ в отношении прав КМН на нематериальное наследие?

Правовой механизм защиты интеллектуальной собственности (далее ИС) состоит: 1) охраняемых объектов ИС; 2) субъектов интеллектуальных прав; 3) интеллектуальных прав; 4) ответственности за нарушение интеллектуальных прав. Рассмотрим каждую составляющую механизма защиты интеллектуальных прав в контексте возможности применения в отношении прав КМН на нематериальное наследие.

К охраняемым объектам ИС ГК РФ относит «1) произведения науки, литературы и искусства; 2) программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ); 3) базы данных; 4) исполнения; 5) фонограммы; 6) сообщения в эфир или по кабелю, радио-

или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); 7) изобретения; 8) полезные модели; 9) промышленные образцы; 10) селекционные достижения; 11) топологии интегральных микросхем; 12) секреты производства (ноу-хау); 13) фирменные наименования; 14) товарные знаки и знаки обслуживания; 15) наименования мест происхождения товаров; 16) коммерческие обозначения» [1]. Общий для всех признаков, который позволяет выделить объекты ИС в отдельную категорию, это их *нематериальная природа*. По этому признаку объекты нематериального культурного наследия КМН совпадают с объектами ИС. Однако в силу прямого указания закона произведения народного творчества (фольклор) исключены из числа охраняемых объектов ИС (п. 6 ст. 1259 ГК РФ) [1].

К субъектам интеллектуальных прав, исходя из норм гл. 3–5 ГК РФ, следует отнести граждан, юридических лиц, Российскую Федерацию, субъекты РФ и муниципальные образования. Представители КМН могут быть субъектами интеллектуальных прав только в вышеуказанных формах.

Согласно ст. 1226 ГК РФ «на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие)» [1]. Таким образом, интеллектуальные права – это субъективные гражданские права на объекты ИС. Интеллектуальные права включают три группы прав: исключительное право, личные неимущественные права и иные интеллектуальные права.

Исключительное право, по мнению автора, это такая возможность, которая предоставляет его обладателю монополию в использовании и распоряжении объектом ИС. Другие (третьи) лица могут использовать объект ИС только при условии *прямо выраженного* волеизъявления правообладателя и, как правило, с выплатой правообладателю вознаграждения. Отсутствие прямого разрешения правообладателя на использование объекта ИС рассматривается законом как запрет (абз. 2 п. 1 ст. 1229 ГК РФ) [1], а использование объекта ИС без прямого разрешения правообладателя влечет предусмотренную законом ответственность [1, 13–14].

По истечении срока действия исключительного права объект ИС переходит в *общественное достояние* (ст. 1282, 1318, 1327, 1331, 1364, 1425; п. 4 ст. 1457 ГК РФ). Это значит, что с этого момента любое лицо вправе использовать объект ИС без разрешения правообладателя и без выплаты вознаграждения. При этом охраняется авторство: имя автора и неприкосновенность произведения (ст. 1282 ГК РФ) [1]. В этом контексте понятно, почему в отношении объектов фольклора не действует исключительное право. Все объекты фольклора и традиционные нематериальные культурные достижения народов, у которых нет конкретного автора (в связи с длительностью использования), находятся за рамками правовой охраны. Ими может пользоваться любой субъект, и такое пользование считается правомерным.

К *личным неимущественным правам* на объекты ИС ГК РФ относит право авторства (в отношении всех объектов, созданных творческим трудом) (ст. 1228), иные личные неимущественные права (в случаях, прямо предусмотренных ст. 1226 и др. ГК РФ.) [1]. В отличие от исключительного права право авторства и авторство действуют и охраняются бессрочно, однако не могут быть предметом сделок (договоров). Поэтому, если автор объекта нематериального наследия КМН известен, его авторство и имя подлежат охране на основании ст. 1228 ГК РФ [1].

Таким образом, ни одно из рассмотренных нами законодательных регулирований (законодательство о культуре, о правах КМН, гражданское законодательство об охране ИС) не предусматривает создание механизма охраны и защиты интеллектуальных прав КМН на нематериальные объекты культурного наследия.

Необходимо отметить, что международными организациями ЮНЕСКО и ВОИС разработаны Типовые положения ЮНЕСКО/ВОИС, суть которых сводится к следующему:

1. В случае использования фольклорной формы необходимо указывать на сообщество и географическое положение, откуда она происходит. Несоблюдение этого правила влечет наказание.

2. Предусмотрены формы использования, которые выходят за рамки разрешенного использования, а также иные формы неправомерного использования фольклорной формы (например, случаи введения в заблуждение относительно принадлежности к тому или иному сообществу, тогда как фольклорная форма не имеет с ними ничего общего), случаи искажения, деформации фольклорной формы.

3. Установление наказания, а также компенсационных и восстановительных мер остается за каждой страной (ст. 5).

4. Предусматривается назначение компетентного органа, отвечающего за выдачу разрешений и за установление и взимание «роялти» (royalty) (ст. 9).

5. Согласно ст. 14 «усилия, предпринимаемые на национальном уровне, должны стать первым этапом на пути к заключению международного соглашения, которому могут предшествовать субрегиональные или региональные конвенции». Предусмотрена возможность расширения применения типовых положений к фольклорным формам иностранного происхождения [15].

ВОИС предложены практические рекомендации национального правового регулирования в отношении охраны и поддержки родной культуры [18], условия патентного раскрытия информации в отношении генетических ресурсов и традиционных знаний [17], документы по традиционным знаниям [17] и другие рекомендательные руководства, которые следует взять «на вооружение» при разработке российского законодательного механизма охраны и защиты интеллектуальных прав на нематериальное наследие КМН.

Для создания механизма охраны и защиты интеллектуальных прав КМН на нематериальное наследие необходимо внести изменения в ГК РФ, в законодательство о культуре, законодательство об охране прав коренных малочисленных народов, касающиеся:

а) возможности народа, принадлежащего к определенной этнической группе, выступать в качестве самостоятельного субъекта интеллектуальных прав на объекты нематериального наследия;

б) определения критериев (признаков) отнесения объектов к объектам нематериального наследия, охраняемого как объект ИС;

в) ответственности за неправомерное использование объектов нематериального наследия;

г) перечня и содержания интеллектуальных прав в отношении объектов нематериального наследия. В этом контексте актуально создание возможности реализации исключительного права или иного интеллектуального права на объекты нематериального наследия посредством предоставления разрешения от имени народа иным лицам (не принадлежащим к данной этнической группе) на использование объектов нематериального наследия в своей деятельности с выплатой соответствующего вознаграждения.

Пока не принят федеральный закон, предусматривающий механизм охраны и защиты интеллектуальных прав КМН на объекты нематериального наследия, на региональном и/или местном уровнях целесообразно провести фактическую подготовительную работу: сформировать реестр нематериальных объектов культурного наследия КМН в целях фиксации и контроля за их последующим использованием. При получении и фиксации сведений о культурных объектах (сказки, песни, обряды и т. д.) указывать на источник: имя носителя (информатора), принадлежность к КМН, место проживания, а также предусматривать вознаграждение информатору (представителю народа, у которого получены сведения об объекте культурного наследия) не только за однократное получение сведений, но и в случаях их последующего использования.

Статья поддержана Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока РФ, представлена в виде доклада на ее тематической конференции 11.02.2018 в Представительстве ЯНАО в г. Тюмень [15].

Литература

1. Гражданский кодекс РФ. Ч. IV : федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Завершился первый день информационно-обучающего правового семинара // Информ. центр АКМНСС и ДВ РФ. URL: <http://www.raipon.info/info/news/3011/> (дата обращения: 25.03.2018).
3. Конституция РФ (принята 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. ст. 4398.
4. Кузинкова А. Этнический состав населения России. Сколько народов проживает на территории России. URL: <https://www.syl.ru/article/> (дата обращения: 25.03.2018).
5. Маковский А. Л. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Поглавный / под ред. А. Л. Маковского. М. : Статут, 2008. 720 с.
6. О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ : федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ : федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 29.12.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Об особо ценных объектах культурного наследия народов РФ : указ Президента РФ от 30.11.1992 № 1487 (ред. от 17.05.2007). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Об утверждении критериев отнесения объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, к объектам культурного наследия, находящимся в неудовлетворительном состоянии : постановление Правительства РФ от 29.06.2015 № 646. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Об утверждении Основ государственной культурной политики : указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства РФ : постановление Правительства РФ от 12.09.2015 № 972. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Основы законодательства РФ о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 29.07.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Кодекс об административных правонарушениях Рос. Федерации : федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. 05.02.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Уголовный кодекс Рос. Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Типовые положения ЮНЕСКО/ВОИС по традиционным знаниям, традиционным выражениям культуры и генетическим ресурсам. URL: <http://www.wipo.int/tk/ru/> (дата обращения: 24.03.2018).
16. Documenting Traditional Knowledge – A Toolkit // WIPO. URL: <http://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4235> (дата обращения: 25.03.2018).
17. Key Questions on Patent Disclosure Requirements for Genetic Resources and Traditional Knowledge // WIPO. URL: <http://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4194/> (дата обращения: 25.03.2018).
18. Protect and Promote Your Culture. A Practical Guide to Intellectual Property for Indigenous Peoples and Local Communities // WIPO. URL: <http://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4195&plang=EN> (дата обращения: 25.03.2018).

УДК 343.35

Коваль А. В.
Koval A. V.

РАЗМЕР ВЗЯТКИ КАК КРИТЕРИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО

SIZE OF BRIBE AS CRITERION FOR DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY FOR BRIBERY

В статье представлены результаты исследования роли размера взятки в дифференциации уголовной ответственности за взяточничество. Поддерживается позиция о недопустимости исключения размера взятки из числа квалифицирующих признаков преступлений, уточняется классификация размеров взятки. На основе правил логического моделирования статей Особенной части Уголовного Кодекса обосновываются предложения по совершенствованию законодательной модели дифференциации ответственности за взяточничество в зависимости от размера взятки.

The article presents the study results of role of bribe size in differentiation of criminal responsibility for bribery. The position against excluding the bribe size from the number of characterizing elements of crimes is supported. The classification of bribe sizes is specified. Proposals to improve the legislative model of responsibility differentiation for bribery, depending on the size of the bribe are made. The proposals are based on rules for the logical modeling of articles of the Special Part of the Criminal Law.

Ключевые слова: дифференциация ответственности, размер взятки, взятка, получение взятки, взяточничество, мелкое взяточничество

Keywords: differentiation of responsibility, bribe size, bribe, taking bribe, bribery, petty corruption.

Среди специальных критериев дифференциации уголовной ответственности за взяточничество основным является размер взятки. Особая роль этого критерия продиктована самой природой взяточничества как специального вида корыстного злоупотребления [6, с. 188], материальным характером предмета взяточничества, в основе которого лежит незаконное имущественное обогащение виновного. Размер такого обогащения напрямую связан со степенью корыстолюбия взяточника, степенью его общественной опасности. В этой связи трудно переоценить социальную и криминологическую обусловленность размера взятки как основного средства дифференциации ответственности за взяточничество.

Впрочем, в теории уголовного права ставится вопрос о ликвидации размера взятки как критерия дифференциации уголовной ответственности за взяточничество. Высказано мнение об исключении этого признака из числа квалифицирующих составов взяточничества на том основании, что объект, которому ущерб причиняется при совершении взяточничества, нематериален, следовательно, причиняемый ему ущерб нельзя оценивать в денежном выражении; поэтому размер взятки никак не может влиять на вред, причиненный авторитету государственной власти и органам местного самоуправления, и определять степень общественной опасности ее получения [21, с. 12; 11, с. 22; 4, с. 24; 12, с. 158].

С таким мнением трудно согласиться. Во-первых, поскольку «...именно размер взятки является хотя и косвенным, но достаточно точным показателем степени общественной опасности не только самого незаконно обогащаемого субъекта, но и показателем степени важности пораженных подкупленным чиновником объектов» [2, с. 312]. Как верно указывает В. Н. Бор-

ков, смысл дифференциации ответственности за взяточничество в зависимости от размера заключается в подразумеваемой в данной ситуации глубине предательства интересов власти и службы. «Чем больше сумма взятки, – пишет В. Н. Борков, – тем более важные полномочия задействованы, и тем, как правило, существеннее вред для правоохраняемых отношений от злоупотребления ими» [3, с. 204]. Однако меньшей убедительностью обладает мнение Б. Т. Разгильдиева, который считает, что часто именно ничтожная сумма взятки может быть свидетельством большей общественной опасности взятополучателя, поскольку является показателем его большей продажности [15, с. 87]. Еще ранее эту мысль высказывал Н. А. Неклюдов, который писал: «Трудно сказать, что вреднее: крупное ли мздоимство, падающее на лиц более или менее состоятельных, или же мелкое взяточничество, берущее мзду с беднейшего люда» [9, с. 526]. В-вторых, размер взятки характеризует предмет соответствующего преступления как объективный признак состава, непосредственно определяющий характер и степень общественной опасности взяточничества как разновидности незаконного имущественного обогащения.

В соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ имущество, переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку [13]. Величина денежной оценки предмета взятки является критерием классификации ее размера.

В соответствии с п. 1 примечания ст. 290 УК РФ законодатель выделяет значительный (свыше 25 тыс. рублей), крупный (свыше 150 тыс. рублей) и особо крупный размер взятки (свыше 1 млн рублей). Данные виды размера предмета взятки выполняют роль квалифицирующих признаков в составах получения, дачи взятки и посредничества во взяточничестве. Однако в действительности классификация размеров предмета взятки указанными видами не исчерпывается. В соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ в уголовное законодательство введено самостоятельное основание уголовной ответственности за мелкое взяточничество, при котором размер предмета взятки не превышает 10 тыс. рублей (ст. 291²). Исходя из систематического толкования закона, следует, что уголовная ответственность по ч. 1 ст. 290 и ч. 1 ст. 291 УК РФ наступает за получение и дачу взятки в размере, с одной стороны, не являющимся мелким, с другой – не являющимся значительным, т. е. свыше 10 тыс. рублей, но не свыше 25 тыс. рублей. Очевидно, указанный диапазон денежной оценки размера взятки, который может быть поименован как *незначительный*, равно как и размер мелкого взяточничества, также должны занять свое место в классификации размеров взятки, которая может быть построена на основе действующего уголовного законодательства.

Уголовно-правовое значение указанных размеров взятки с позиции теории дифференциации уголовной ответственности не является одинаковым.

Во-первых, мелкий размер предмета взятки влечет существенное смягчение наказуемости получения и дачи взятки по сравнению с наказуемостью получения и дачи взятки в незначительном размере, несмотря на то, что основные составы получения взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ), дачи взятки (ч. 1 ст. 291 УК РФ) и мелкого взяточничества (ч. 1 ст. 291² УК РФ) относятся к категории преступлений небольшой тяжести. Это обстоятельство, с учетом анализа пояснительной записки к проекту федерального закона, которым была введена самостоятельная ответственность за мелкое взяточничество, раскрывающей мотивы законодательного решения [14], дает основание для вывода, что мелкий размер взятки является обстоятельством, смягчающим наказание, а с позиции теории дифференциации уголовной ответственности является привилегирующим признаком состава преступления.

Во-вторых, незначительный размер взятки является признаком только двух составов преступлений: получения взятки без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 290 УК РФ) и дачи взятки без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 291 УК РФ), которые в теории и практике уголовного права принято считать основными составами преступления. Следовательно, уголовно-правовое значение незначительного размера предмета взятки заключается в том, что этот

признак не является ни отягчающим, ни смягчающим наказание, а является криминообразующим признаком состава преступления. Как и любой другой криминообразующий признак состава преступления, незначительный размер предмета взятки подлежит обязательному установлению по уголовному делу. Поэтому нельзя согласиться с мнением о том, что «в случае если цену определить невозможно, то к услугам правоприменителя ч. 1 ст. 290 или 291 УК РФ, которые не привязаны к стоимостному критерию» [7, с. 72].

В-третьих, не является однозначным уголовно-правовое значение для дифференциации ответственности значительного размера взятки, который, с одной стороны, влечет существенное ужесточение наказуемости получения и дачи взятки по сравнению с наказуемостью данных преступлений, совершенных в незначительном размере, переводя соответствующие посягательства в категорию преступлений тяжких и средней тяжести соответственно; с другой стороны, является признаком основного состава посредничества во взяточничестве, определяя преступность данной формы взяточничества. Следовательно, в первом случае значительный размер предмета взятки является обстоятельством, отягчающим наказание (квалифицирующим признаком состава), а во втором случае этот размер предмета взятки является криминообразующим признаком состава преступления.

В-четвертых, крупный и особо крупный размеры предмета взятки являются исключительно обстоятельством, отягчающим наказание (квалифицирующим признаком состава), что является их традиционным свойством в системе дифференциации ответственности за взяточничество. Характерно, что этот критерий является особым показателем в статистике учтенного взяточничества, демонстрирующим так называемый «элитарный» уровень коррупции. Из приведенной таблицы, аккумулирующей основные статистические показатели взяточничества, видно, что на фоне скачкообразной регистрации абсолютного показателя регистрации получения и дачи взятки наблюдается нуклонный рост регистрации данных преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере (в 3,5 раза за шесть лет).

Таблица

Объемы регистрации получения и дачи взятки, совершенных в крупном и особо крупном размерах (по данным МВД России)

Показатель/год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Количество зарегистрированных фактов получения и дачи взятки,	12 012	10 952	9 758	11 521	11 893	13 311	9 984	11 301
в том числе совершенных в крупном и особо крупном размерах	350	337	417	603	634	951	1 141	1 209

Примечание: по данным о состоянии преступности в России (ежегод. сб. МВД РФ).

В уголовно-правовой доктрине примечательными являются разработки правил логического моделирования статей Особенной части УК, одним из постулатов которых является то, что каждый из квалифицированных составов преступлений, отражаемых в соответствующей части статьи УК РФ, должен соответствовать последовательности категоризации преступлений по степени общественной опасности. В. А. Никонов, один из разработчиков логико-математических правил моделирования статей УК РФ, обоснованно указывал на алогичность структуры статьи Особенной части УК, в которой пропущена категория преступления, т. е. когда между основным составом преступления, относящимся к категории небольшой тяжести, и особо квалифицированным составом, являющимся тяжким преступлением, значится квалифицированный состав, относящийся однако не к преступлениям средней тяжести, а вновь к тяжким преступлениям. При такой ситуации, по словам ученого, «если квалифицирующий признак в состоянии повысить степень общественной опасности до такой степени, что категория преступления увеличивается не на одну, а сразу на две единицы, то возникает

вопрос, не обладает ли он сам общественной опасностью? Если нет, то, видимо, неправильно определена санкция. В случае же совпадения категорий преступления, описанных в разных частях статьи, напрашивается вопрос либо о совпадении степени их опасности и целесообразности объединения, либо снова о неправильно определенной санкции» [10, с. 5].

С этой точки зрения построение ст. 290 УК РФ небезупречно. В числе квалифицированных составов получения взятки нет состава, относящегося к категории преступлений средней тяжести. Получение взятки в незначительном размере является преступлением небольшой тяжести, в то время как совершение этого преступления в значительном размере сразу же переводит его в разряд тяжких посягательств. Очевидно, нарушено правило дифференциации уголовной ответственности в статьях Особенной части УК РФ в зависимости от категоризации преступлений (ст. 15 УК РФ). Не случайно в судебной практике отмечается тенденция частого понижения судами на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ категории преступления в случае небольшого размера взятки, формально относящегося к значительному размеру [20, с. 100].

По нашему мнению, у законодателя не было оснований относить получение взятки в значительном размере к категории тяжких преступлений, не только исходя из формальных правил теории дифференциации уголовной ответственности, но и по причинам отсутствия социальной обусловленности такого законодательного решения.

Во-первых, формальная граница между незначительным и значительным размером предмета взятки может быть крайне несущественной. Так, получение взятки в виде денег в сумме 25 тыс. рублей является преступлением небольшой тяжести, тогда как превышение данной суммы при получении взятки, например, на 1 рубль (формально даже на 1 копейку), делает данное преступление тяжким. Ясно, что в таком случае существенного перепада общественной опасности преступления не происходит, вследствие чего двойное ужесточение максимального наказания за получение взятки в значительном размере (по ч. 2 ст. 290 УК РФ предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет, а по ч. 1 ст. 290 – до 3 лет) является мерой ответственности, которая несоразмерна общественной опасности преступления. Во всяком случае, несоразмерность здесь заключается в том, что даже несущественное превышение максимального предела незначительного размера предмета взятки (25 тыс. рублей) влечет явно несоответствующий общественной опасности преступления перевод его в категорию тяжких, минуя промежуточную категорию преступлений средней тяжести.

Во-вторых, оценка типичной степени общественной опасности взяточничества в зависимости от его размера может быть дана на основе показателей среднего размера взятки в стране.

Так, по данным МВД России в 2011 г. средний размер взятки по выявленным преступлениям составил 236 тыс. рублей [17]. По экспертным оценкам, в частности Public.Ru, фиксируется постоянный рост среднего размера взятки, начиная с января 2010 г. И если в 2010 г. размер средней взятки увеличился в 1,7 раза: с 27 тыс. до 47 тыс. рублей, то в 2011 г. отмечается стремительный скачок – в период с февраля по октябрь 2011 г. средняя сумма взятки увеличилась почти 3,8 раза – с 61 до 236 тыс. рублей [18]. Из ежегодного доклада Всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки» следует, что средний размер взятки в Российской Федерации в 2016 г. увеличился до 809 158 рублей (\$ 12 500), по сравнению с 2015 г. – 613 718 рублей. Таким образом, рост среднего размера взятки составил 25 % за один год [8]. Однако, по данным МВД России, в январе-октябре 2016 г. выявлено больше 5 тысяч преступлений по ст. 290 УК РФ «Получение взятки», в том числе 676 – совершенных в крупном или особо крупном размере [1]. Среднюю сумму взятки в стране в мае 2016 г. МВД России оценивало в 145 тыс. рублей [5], но уже в марте 2017 г. МВД оценило средний размер взятки в России в 2016 г. в размере 328 тыс. рублей, что на 75 % больше, чем годом ранее [19].

Несмотря на всю противоречивость оценок средней суммы взятки в России, с одной стороны, официальной власти, с другой – общественных правозащитных организаций, следует констатировать, что средний размер предмета взятки в стране тяготеет к сумме значительно более высокой, чем минимальный предел значительного размера взятки, предусмотренного УК РФ (25 тыс. руб.). Однако есть основания полагать, что увеличение среднего размера взятки произошло по причине все большего выявления в последние годы взяточничества в высших эшелонах региональной и федеральной власти, где размер взяток традиционно является особо крупным в законодательной трактовке, и гиперкрупным – в криминологическом смысле. На бытовом уровне коррупции средний размер взятки остается в пределах диапазона, оцениваемого законодателем как значительный размер (свыше 25, но не более 150 тыс. руб.).

Таким образом, значительный сегмент фактов получения взятки, особенно в сфере так называемой бытовой коррупции, исходя из средневзвешенного размера взятки относится к тяжкой коррупционной преступности и по этому показателю ставится на одну линию оценки со взяточничеством в крупном размере, характерном для коррупции более высокого порядка, в частности, в сфере муниципального управления и государственного управления на региональном уровне. В результате наблюдается дисбаланс в дифференциации уголовной ответственности за получение взятки в зависимости от размера: совершение этого преступления в значительном размере резко отделяется по шкале категоризации преступлений от получения взятки в незначительном и мелком размере и по существу искусственно объединяется с крупным взяточничеством в категорию тяжких преступлений, тогда как дифференциация ответственности за особо крупное взяточничество (в сумме свыше 1 млн руб.) в УК РФ отсутствует.

Сказанное приводит к выводу о необходимости частичной депенализации получения взятки в значительном размере путем перевода этого посягательства к категории преступлений средней тяжести. Для этого законодателю достаточно внести изменение в санкцию ч. 2 ст. 290 УК РФ, понизив срок максимального наказания в виде лишения свободы с 6 до 5 лет.

Литература

1. 9 декабря – Международный день борьбы с коррупцией. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 12.12.2017).
2. Бабий Н. А. Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России : моногр. М. : Юрлитинформ, 2014. 720 с.
3. Борков В. Н. Должностные преступления: квалификация, система и содержание уголовно-правовых запретов : моногр. Омск : ОМА МВД России, 2010. 272 с.
4. Будатаров С. М. Получение взятки: уголовно-правовая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 24с.
5. В МВД назвали средний размер взятки в России // Взгляд. URL: <http://www.vz.ru/news/2016/5/20/811684.html> (дата обращения: 12.12.2017).
6. Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. 560 с.
7. Иванов Н. К дискуссии о разъяснениях Пленума Верховного Суда о квалификации взяточничества // Уголов. право. 2013. № 5. С. 71–73.
8. Коррупция в России: независимый годовой доклад Всерос. антикоррупц. обществ. приемной «Чистые руки» 01 сентября 2015 г. – 31 августа 2016 г. URL: <http://www.rusadvocat.com/node/39> (дата обращения: 12.12.2017).
9. Неклюдов Н. А. Взятничество и лихоимство // Юрид. летопись. 1890. Июнь. С. 491–582.
10. Никонов В. А. Логическое моделирование статьи Особенной части УК РФ // Научные исследования высшей школы : материалы итоговой науч.-практ. конф. Тюмень, март 1995 г. Тюмень : Тюмен. высш. шк. МВД РФ, 1995. С. 3–9.

11. Никонов П. В. Уголовно-правовая характеристика получения взятки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 26 с.
12. Новиков В. А. Уголовная ответственность за получение взятки: сравнительно-правовой анализ законодательства России и зарубежных стран // Биб-ка уголов. права и криминологии. 2016. № 1. С. 156–160.
13. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2013. № 9.
14. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : пояснит. записка к проекту федер. закона // СПС «Консультант Плюс».
15. Разгильдиев Б. Т. Некоторые уголовно-правовые проблемы взяточничества // Актуальные проблемы экономики и законодательства России и стран СНГ-2002 : материалы междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2002. С. 87–89.
16. Состояние преступности в России : ежегод. сб. МВД РФ, ФКУ ГИАЦ. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 12.12.2017).
17. Средний размер взятки в России составил 236 тыс. рублей. URL: <http://www.rbc.ru> (дата обращения: 12.12.2017).
18. Средний размер взятки вырос в 5 раз. URL: http://www.public.ru/corruption_2011 (дата обращения: 12.12.2017).
19. Чиновники в России стали получать гораздо более крупные взятки, чем прежде. URL: <https://news.mail.ru> (дата обращения: 12.12.2017).
20. Чуклина Э. Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд // Экономика, социология и право. 2016. № 10. С. 95–100.
21. Яковенко Е. В. Уголовно-правовая борьба со взяточничеством : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 26 с.

УДК 349.2

Любаненко А. В., Трухин Н. В.
Lyubanenko A. V., Trukhin N. V.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТРУДА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ И ПУБЛИКАЦИИ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ В ИНТЕРНЕТЕ

LEGAL PROBLEMS OF MINORS' EMPLOYMENT IN VIDEO MATERIALS PRODUCTION AND PUBLICATION ON THE INTERNET

В статье проанализированы правовые проблемы, связанные с применением труда несовершеннолетних при производстве видеоматериалов для размещения в интернете. Определены пробелы в законодательстве, требующие соответствующей правовой регламентации.

The article analyzes the legal problems associated with the minors' employment in video materials production for posting on the Internet. Gaps in the legislation that require appropriate legal regulation are identified.

Ключевые слова: правообладатель, трудовой договор с несовершеннолетними, нравственное развитие.

Keywords: right holder, employment contract with minors, moral development.

Применение новых современных интернет-технологий за последние годы произвели революцию на рынке интеллектуальной собственности, полностью изменив рынок поставщиков видео- и аудиоматериалов, средства их доставки потребителям и способы их использования.

Если раньше для создания видеоматериалов (объекта интеллектуальной собственности) и обеспечения его телевизионного вещания было необходимо дорогостоящее оборудование и предоставление государственной лицензии, то сегодня затраты на создание и размещение доступного для огромной аудитории видеоролика стоит несколько тысяч рублей, потраченных на оборудование (смартфон) и 5–10 минут на его размещение в интернете.

Основными платформами для размещения видеоматериалов стали социальные сети и мультимедиа-платформы YouTube.com и Vimeo.com. При этом взаимодействие владельца видеоролика (правообладателя) и платформы ограничивается несложными правилами и техническими процедурами размещения данного ролика в сети [22].

Такое «легкое» взаимодействие способствовало взрывному росту огромного количества предложений видеоматериалов на рынке, появлению новых поставщиков, соперничающих по охвату аудитории с классическими средствами массовой информации, деятельность которых по-прежнему является строго лицензируемой.

Кроме того, основным стимулом быстрого роста рынка стала возможность его быстрой монетизации – получения выплат правообладателями за просмотр данных видеоматериалов, выплачиваемых из полученных интернет-платформой денежных средств за размещение рекламы.

Вместе с тем, такой бурный рост спровоцировал некоторые проблемы как нравственного, так и юридического характера. Ведущими игроками на рынке стали каналы для несовершеннолетних, в которых основными актерами и ведущими также являются дети.

Детский контент – самый просматриваемый сегмент видео на платформе YouTube. На него ежедневно загружаются сотни «семейных» видео, которые набирают миллионы просмотров и приносят максимальный доход его правообладателям. Это связано с алгоритмами работы программы хостинга, которая контролирует и определяет оплату исходя из среднего

времени просмотра каждого видеоролика, и именно у детей оно максимальное, так как они любят смотреть ролики от начала и до конца.

В качестве примера можно привести популярные русскоязычные детские каналы: канал Miss Katy имеет 7,2 миллиона, канал Mister Max – 6,8 миллиона, а канал Nikol Crazy Family – 3,1 миллиона активных подписчиков [19].

Проблема с эксплуатацией несовершеннолетних в видеоматериалах, размещенных на YouTube, впервые была затронута в апреле 2017 г. Тогда пользователи YouTube обвинили авторов одного из каналов в жестоком обращении с детьми. На многочисленных видео родители – владельцы канала, били своих детей, называя все происходящее розыгрышем [4].

Однако серьезные юридические решения в руководстве YouTube были приняты только к концу 2017 г. по причине ухода крупнейших рекламодателей, беспокойство которых начали вызывать репутационные риски использования их продуктов и товаров, так как их реклама в таких каналах размещалась автоматически. Причиной разрыва рекламных контрактов стали тысячи комментариев сексуального характера, оставленные под роликами с участием «вызывающе одетых несовершеннолетних», а также излишне потребительское поведение детей в отношении продуктов питания и т. д.

По результатам проверки 22 ноября 2017 г. правила публикации детского контента на YouTube были резко ужесточены, десятки каналов с несовершеннолетними были закрыты, а сотни видео заблокированы.

В пункте 7.5 Условий взаимодействия YouTube (юридические и технические правила взаимодействия между правообладателями и платформой) определены требования к содержанию публикуемого контента, однако все они в отношении детей были сведены исключительно к запретам на материалы сексуального характера [17, 22].

Исследуя юридические аспекты данной проблемы, необходимо выделить не менее важные вопросы, к сожалению, не обсуждаемые интернет-сообществом, однако являющиеся критически важными в процессе правового регулирования данных взаимоотношений в России.

Так, п. 7.6 Условий взаимодействия YouTube установлен запрет на загрузку и размещение видеоматериалов, владение и распространение которого является противоправным в стране постоянного проживания правообладателя, т. е. указана отсылка на необходимость соблюдения правообладателем национального законодательства.

В соответствии с условиями партнерской программы YouTube правообладателям (видеоблогерам) осуществляются регулярные выплаты за просмотр видеоматериалов, размещенных на этой платформе.

Деятельность по размещению видеоматериалов по сути является профессиональной и систематической (этого также требуют условия программы) и, соответственно, подпадает под признаки предпринимательской деятельности. На практике, для многих правообладателей (видео-блогеров) создание и распространение медиа-контента, в том числе параллельно в нескольких социальных сетях является единственным источником дохода. При этом необходимость производить видеоматериал более высокого качества уже требует найма как профессиональных сотрудников, так и артистов.

И здесь в рамках российской правовой модели возникают вопросы к требованиям использования детского труда при производстве таких видеоматериалов, который может применяться только при соблюдении российского трудового законодательства.

Вопросы правосубъектности работника давно являются актуальными у ученых-правоведов. Несмотря на то, что в научной литературе достаточно широко рассматриваются вопросы заключения трудового договора с лицами, не достигшими возраста 14 лет, проблемам заключения договора с указанными лицами с учетом новых общественных отношений, указанных в первой части статьи, не уделяется должного внимания. [2–3, 8, 18].

Остается актуальным замечание Г. Хныкина о том, что несмотря на заинтересованное внимание законодателя к вопросам труда молодежи, проблемы в указанной сфере остаются [23].

Важно отметить, что к основным функциям трудового законодательства относятся, с одной стороны, содействие развитию общественного производства, с другой – гарантирование справедливости в отношениях между работником и работодателем, прежде всего, защита прав и интересов работника как более слабой стороны [1].

Также существенным для нас в рамках настоящей статьи представляется мнение Е. А. Улюмджиева, который полагает, что одним из препятствий для соблюдения работодателями трудового законодательства РФ является то, что само трудовое законодательство не содержит надлежащего механизма обеспечения реализации своих собственных норм [21].

В соответствии с ч. 4 ст. 63 Трудового кодекса РФ заключение трудового договора с лицами, не достигшими возраста четырнадцати лет, допускается в организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках с согласия одного из родителей (опекуна) и разрешения органа опеки и попечительства участия в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений без ущерба здоровью и нравственному развитию [7].

Согласно ст. 3 Федерального закона от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» организация кинематографии представляет собой организацию независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, основными видами деятельности которой являются: производство фильма, кинолетописи, тиражирование, прокат, показ фильма, образовательная, научная, исследовательская, издательская, рекламно-пропагандистская деятельность в области кинематографии, хранение фильма и др. [9].

Определение театра закреплено в п. 3 Положения о театре в Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 25 марта 1999 г. № 329, а понятие цирковой организации – в Распоряжении Правительства РФ от 02.04.2012 № 434-р «О концепции развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года» [11].

Перечень профессий и должностей работников организаций кинематографии, театров, театральных и концертных организаций, цирков определен Постановлением Правительства РФ от 28.04.2007 № 252 [15].

Важно отметить, что перечень организаций, где может применяться труд лиц, не достигших возраста 14 лет, а также виды их деятельности закреплены Трудовым кодексом РФ и подзаконными нормативно-правовыми актами, являются исчерпывающими и расширительному толкованию не подлежат.

Таким образом, из сферы правового регулирования Трудового кодекса РФ (ст. 63) выпадает труд лиц, не достигших возраста четырнадцати лет, которые участвуют в создании и экспонировании различного рода видеоматериалов на платформе YouTube. Заключение трудовых договоров с такими лицами даже родителям является незаконным, но, как правило, именно родители используют труд своих детей в целях съемки роликов для целей систематического извлечения прибыли с помощью интернета. Применение же положений ч. 5 ст. 20 Трудового кодекса РФ о том, что работодателем могут выступать физические лица, вступающие в трудовые отношения с работниками в целях личного обслуживания и помощи по ведению домашнего хозяйства, также невозможно. Родителям надлежит зарегистрироваться в качестве лица, занимающегося предпринимательской деятельностью, и оформить трудовой договор от имени этого лица. Однако как было отмечено выше, трудовое законодательство РФ не допускает применение труда несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет, для создания видеоматериалов для YouTube. Кроме того, согласно той же ст. 63 Трудового кодекса РФ от имени малолетнего работника трудовой договор подписывает его законный представитель (родитель) [6]. Означает ли это, что один из родителей может выступать в качестве работодателя, а второй подписывать трудовой договор от имени малолетнего работника? А если родитель один воспитывает ребенка? Здесь возникает и другая неразрешенная сегодня проблема – предотвращение конфликта интересов родителя как законного предста-

вителя несовершеннолетнего, в чьи обязанности входит обеспечение должного воспитания, образования и т. п., и как лица, систематически извлекающего материальную выгоду от применения труда того же несовершеннолетнего [5].

Выявленные выше пробелы правового регулирования в настоящее время не устранены трудовым законодательством РФ и правоприменительной практикой, в частности, Постановлениями Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» [12–13].

Как было отмечено, существует большая вероятность того, что применение родителями труда ребенка при создании видеоматериала на YouTube может причинить вред его нравственному развитию. Запрет привлечения ребенка к таким видам работ установлен ст. 265 Трудового кодекса РФ. Вслед за этим п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» особо отмечает, что несовершеннолетние лица не могут быть допущены к работам, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию.

Статья 14 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» устанавливает, что органы государственной власти Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопроductии, пропагандирующей насилие и жестокость, наркоманию, антиобщественное поведение [14]. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» более подробно регулирует отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой информации, содержащейся в информационной продукции [10].

Вместе с тем, участие детей в создании видеопроductии для YouTube не входит в сферу правового регулирования указанных выше законов, что означает отсутствие должной защиты прав детей при их участии в создании роликов на данных каналах.

Таким образом, в целях устранения пробела правового регулирования представляется необходимым дополнить список организаций, в которых допускается заключение трудового договора с лицами, не достигшими возраста четырнадцати лет, закрепленный ч. 4 ст. 63 Трудового кодекса РФ, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами, которые занимаются предпринимательской деятельностью в интернете.

Также необходимо выработать адекватные механизмы защиты нравственного здоровья несовершеннолетних лиц, которые принимают участие в создании видеопроductии для YouTube. Указанные изменения позволят устранить неэффективность трудового законодательства РФ в указанной сфере и защитить интересы несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, чей труд применяется их родителями при создании видеопроductии на YouTube-каналах и иных ресурсах интернете.

Литература

1. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М. : Проспект, 2008. 334 с.
2. Бегичев Б. К. Трудовая правоспособность советских граждан. М. : Юрид. лит., 1972. 244 с.
3. Гусов К. Н., Циндякина Е. П., Цыпкина И. С. Особенности трудового договора с отдельными категориями работников : науч.-практич. пособие / под ред. К. Н. Гусова. М. : Проспект, 2018. 115 с.

4. Избивавшим своих детей американским блогерам дали условный срок // Лента.ру. URL : <https://lenta.ru/news/2017/09/14/etonorma/> (дата обращения : 15.04.2018).
5. Зайцева Л. В. Конфликт интересов в трудовых отношениях с участием представителей: проблемы и пути их преодоления // Актуальные проблемы рос. права. 2016. № 4. С. 143–149.
6. Зайцева Л. В. Представительство и посредничество в трудовом праве: сравнительно-правовое исследование : моногр. М. : Проспект, 2015. 272 с.
7. Зайцева Л. В. Представительство работников в индивидуальных трудовых отношениях // Рос. юрид. журн. 2016. № 1. С. 150–158.
8. Зайцева Л. В. Трудовой договор: особенности регулирования труда отдельных категорий работников : учеб. пособие. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2010. 240 с.
9. О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации : федер. закон от 22.08.1996 № 1126-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4136.
10. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
11. О концепции развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 02.04.2012 № 434-р // СЗ РФ. 2012. № 15. Ст. 1807.
12. О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 // Рос. газ. 2014. № 27.
13. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 // Рос. газ. 2004. № 72.
14. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федер. закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
15. Перечень профессий и должностей работников организаций кинематографии, театров, театральных и концертных организаций, цирков : постановление Правительства РФ от 28.04.2007 № 252 // СЗ РФ. 2007. № 19. Ст. 2356.
16. Положение о театре в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 25.03.1999 № 329 // СЗ РФ. 1999. № 13. Ст. 1615.
17. Правила в отношении нарушения прав ребенка // YouTube. URL: <https://support.google.com/youtube/answer/2801999?hl=ru> (дата обращения: 15.04.2018).
18. Пфедфер А. Трудовые отношения с женщинами с детьми: нюансы // Кадровый вопрос: электрон. журн. 2014. № 5. С. 21–28. URL: <http://www.kadrovik.ru> (дата обращения: 20.04.2018).
19. Рейтинг каналов Ютуб (русскоязычный сегмент) // Whatstat.ru. URL: <http://whatstat.ru/channels/top100> (дата обращения: 15.04.2018).
20. Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 3.
21. Улюмджиев Е. А. Правовое регулирование статуса работника: проблемы эффективности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 32 с.
22. Условия использования платного сервиса YouTube.com // Youtube : портал. URL: <https://www.youtube.com/static?&template=terms> (дата обращения: 15.04.2018).
23. Хныкин Г. Запреты на труд и дискриминация молодежи // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2010. № 11. С. 46–51.

УДК 347.249(470.5)«18»

*Манин В. А.
Manin V. A.*

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА В СИСТЕМЕ
ГОРНОЗАВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА УРАЛЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.**

**LEGAL REGULATION FORMATION IN LAW ENFORCEMENT
IN MINING INDUSTRY OF THE URALS
IN THE FIRST HALF OF THE 18th CENTURY**

В статье речь идет о создании системы обеспечения правопорядка в горнозаводской промышленности России на примере ее самого значительного регионального отделения – Уральского горного начальства. Анализируются нормативная база и роль в ее создании первых руководителей уральского горнозаводского ведомства В. де Геннина и В. Н. Татищева.

The article describes the system establishment of law enforcement in the mining industry in Russia. The research is based on the most significant regional division – the Ural Mining authority. The regulatory system and the role of the Chief Executives of the Ural Mining W. de Gennin and V. N. Tatishchev are analyzed.

Ключевые слова: горнозаводское законодательство, источник права, систематизация законодательства.

Keywords: mining legislation, source of law, systematization of legislation.

Проблема обеспечения правопорядка в горнометаллургической промышленности Урала начинает возникать в конце XVII – начале XVIII вв. с началом строительства крупных металлургических мануфактур.

При этом вновь создаваемым предприятиям необходимы были не только профессиональные «мастеровые и работные люди», постоянно живущие при заводах, но и приписка к ним крестьянских общин для строительства заводов и последующего обеспечения их сырьем.

Ответственность за строительство заводов и обеспечение их бесперебойной работы возлагалась на уездных воевод, под юрисдикцией которых они находились. При этом согласно Воеводской инструкции 1719 г. воевода отвечал за внутреннюю безопасность, в том числе «...чтоб никакого насилия и грабежа чинено не было, а воровство и разбои весьма были б прекращены и по достоинству наказаны» [7, т. V, № 3294].

Однако управление горнозаводской промышленностью и вверенными поселениями вызвало затруднения у местной администрации, а отсутствие специальных знаний и опыта делало такое управление неэффективным [8, с. 263].

В 1719 г. в ходе второй областной реформы Петра I создаются территориальные дистрикты во главе с земскими комиссарами с широкими полицейскими полномочиями аналогичными воеводским. И это неудивительно, так как это были звенья одной реформы, и оба эти акта были изданы одновременно [7, т. V, № 3295]. Но если у воеводской власти не хватало ни сил, ни средств, чтобы самостоятельно реализовывать функции по обеспечению правопорядка, [5, с. 218–219], то еще меньше было ресурсов у земских комиссаров, которым по инструкции для различных посылок и реализации иных функций придавали для этих целей трех человек.

Поэтому они могли осуществлять только общее руководство и надзор, а непосредственное исполнение многочисленных административных функций возлагалось на волост-

ную администрацию, включающую выборных старост, сотских и десятских, которые на местах осуществляли в том числе и полицейские функции. Они вели слежку за подозрительными людьми, проводили первичное дознание и арест преступников, их содержание и конвой [5, с. 225].

Несколько иначе обстояло дело непосредственно в заводских поселениях. Во главе предприятия назначался управитель, который возглавлял заводскую администрацию и в полномочия которого входило и обеспечение правопорядка на вверенных ему заводах, включая их посадки.

Зачастую эти полномочия были еще больше расширены за счет делегирования дополнительных прав со стороны губернской власти. Но, передавая данные полномочия, губернские власти могли впоследствии их ограничить или даже отменить [8, с. 269].

Поэтому специфика промышленного процесса самим своим существованием требовала выделения отрасли в специальное управление, подобное тому, какое имела вертикаль судебной власти, замыкавшаяся на Юстиц-коллегии, или налоговая система, подчинявшаяся Камер-коллегии.

Положение осложнялось и тем, что «если судебные и податные учреждения, плохо или хорошо, но были законодательно “вписаны” в систему местных органов власти, а деятельность их регламентировалась целым комплексом указов, то горнозаводские учреждения были всего этого лишены» [8, с. 264–266].

Поэтому В. Н. Татищев вскоре после своего приезда на Урал в 1721 г. выступил с личной инициативой организовать на Урале горное начальство и начал создавать его ведомственную и территориальную структуру, находя опору в применении законодательства по аналогии. На основе «Инструкции земским комиссарам» он начинает своими приказами создавать дистрикты ведомственного подчинения, фактически оказывающиеся в определенной автономии от губернских органов управления [8, с. 272].

Но если для земских комиссаров уже существовала нормативная база и уже вырабатывалась правоприменительная практика, то намного сложнее обстояло дело с управлением на заводах.

Одной из основных задач была регламентация деятельности их руководителей, заводских комиссаров, которые не имели ни необходимого административного опыта, ни специальных технических знаний, а правовая база их деятельности ограничивалась единичными указами, издаваемыми на каждый конкретный случай. Поэтому для регламентации их деятельности под руководством В. Н. Татищева были составлены два наказа, в том числе регламентирующие полицейские полномочия этих администраторов [1, с. 376].

Уже в Наказе комиссару Уктусского завода Т. Бурцеву, датированном 27-м февраля 1721 г., были достаточно подробно определены должностные обязанности управляющего горнометаллургическим предприятием. По форме Наказ приближался к должностному регламенту и был создан под большим воздействием петровского административного законодательства, в частности, – коллежских регламентов.

Наказ состоит из 10 глав, касающихся как административных и социальных вопросов, так и ведомственных основ управления производством [1, с. 52–65].

Отметим, что в гл. I Наказа были обозначены не только общие административные обязанности управителя, но и его полицейские функции.

Кроме того, полицейской должности профоса посвящена специальная X глава.

При этом в гл. I не только регламентировались действия по первоначальному дознанию и охране задержанных, но и была приведена система наказаний, которые непосредственно мог назначать заводской комиссар за незначительные проступки, включая пьянство, брань, мелкое воровство, дисциплинарные нарушения.

Особый интерес для нас представляет должность «профос», которая была введена аналогично такой же должности по «уставу воинскому» и на гражданской службе не применя-

лась. Это чисто полицейская должность, предполагающая надзор за чистотой и порядком среди обывателей, в том числе контроль исполнения запрета содержать скот в жилищах, с обязанностью взыскания за эти нарушения штрафа фиксированного размера.

Кроме того, профос приводил в исполнение назначенные вышестоящей инстанцией телесные наказания, с отдельной оплатой их исполнения.

С расширением опыта руководства местным отраслевым управлением В. Н. Татищев значительно перерабатывает этот локальный нормативный акт. Новый Наказ комиссару Екатеринбургского завода Ф. Неклюдову, который был подписан 15 октября 1723 г., не только более подробно регламентировал функциональные обязанности главы предприятия, но и значительно расширял их [1, с. 69–95].

Полицейские функции в этом нормативном акте были отделены от общеадминистративных, и им была посвящена гл. II, получившая название «О суде и наказаниях».

При этом отметим, что хотя воеводы и земские комиссары были лишены судебных функций, у управителей заводов они были неразрывно связаны с полицейской деятельностью. В главе еще более детализированы полицейские функции и добавлены новые категории мелких преступлений и административных проступков, попадающих под их юрисдикцию.

Были расширены и права профоса (гл. XV). Вместо трех статей Наказа Т. Бурцеву, этой должности было посвящено уже восемь статей. Обязанности, закрепленные за этой должностью, были не только детализированы, но и расширены. Под его присмотр попадали как арестанты, так и гулящие женщины, которых он обязан был изгонять из заводов.

Таким образом, источником этих наказов, касающихся регламентации обеспечения правопорядка, были не столько указы гражданским администраторам – воеводам и земским комиссарам, сколько воинские уставы и акты, определяющие функции городского самоуправления.

Эта модель, разработанная В. Н. Татищевым, оказалась достаточно удачной. Доказательством этого была ее эволюция не по пути принципиальных изменений, а лишь уточнений и детализации. Свидетельством этому становится данная в 1725 г. В. де Геннином «Инструкция» капитану Е. Берглину [4, с. 305–309], который прибыл на Урал вместе с В. Н. Татищевым и И. Ф. Патрушевым и осуществлял ведомственное руководство над горнозаводскими предприятиями в Кунгурском уезде.

В этой инструкции появляются новые составы правонарушений, которые Е. Берглин должен был пресекать. Это было связано не только с приобретенным опытом применения предыдущих инструкций, но и более высоким уровнем администрирования.

Прежде всего, это должностные проступки, связанные с незаконной предпринимательской деятельностью для лиц, находящихся на горной службе.

Под угрозой телесного наказания для таких лиц запрещалось заниматься подрядами на поставку руды и угля для горнозаводского производства. Должностным лицам запрещалось торговать пивом, вином и табаком как лично, так и через доверенных лиц, а также заниматься ростовщичеством. Пресекалось также использование служебного положения. Например, самому Е. Берглину указывали на необходимость поощрения свободной торговли продовольственными товарами с категоричным запретом самому участвовать в ней.

К особым административным проступкам относилось пьянство, отягощенное потерей личного имущества. Наказанию за это подвергались сами виновные и те, кто это имущество скупал, так как его изымали у них без компенсации.

В обязанности управляющего также входил как специальный надзор за мерами по осуществлению противопожарной безопасности, так и общий надзор за правопорядком в заводских поселениях, начиная от проверки документов и борьбы с проституцией и незаконным предпринимательством вплоть до организации охраны от крупных нападений разбойничьих шаек с использованием постоянного караула и артиллерии.

Хотя в главном труде В. де Геннина «Описание Уральских и Сибирских заводов» [2] уделяется мало внимания изучаемой нами проблеме, фактически ограниченного обязано-

стями обергитенфервальтера [2, с. 88–90], контролировать и наказывать должностных лиц заводской администрации за незначительные проступки штрафом и следить за обеспечением противопожарных мер, а также управителей заводов организовывать караульную службу и общим надзором, который не детализирован. Эту фрагментарность можно объяснить двумя обстоятельствами.

Во-первых, книга была предназначена в подарок императрице Анне Иоанновне как доказательство успешности его деятельности на Урале и содержала, в основном, технические и организационные аспекты созданной им системы ведомственного управления.

Во-вторых, после издания 12 сентября 1728 г. Наказа губернаторам и воеводам [7, т. VIII, № 5333] многие вопросы обеспечения правопорядка были урегулированы этим актом в общегосударственном масштабе.

В 1734 г. В. де Геннин был заменен В. Н. Татищевым, которому была дана инструкция, подписанная Анной Иоанновной. Среди пунктов инструкции содержалось поручение упорядочить горное законодательство [6, с. 67–80].

Регламентации прав и обязанностей коронной администрации был посвящен проект Заводского устава [9, с. 288–311]. Общий надзор за деятельностью по обеспечению правопорядка возлагался согласно параграфу 2 гл. I «О власти над подчиненными» на Главного заводов правителя с правом назначения наказания за «леность, пьянство или иной беспорядок должность свою не хранящего» в форме штрафа, определения на тяжелые работы или приращения к телесным наказаниям.

Для офицеров и дворян наказание за подобные проступки ограничивалось вычетом из жалования или арестом на непродолжительное время. Рецидив за подобные проступки мог наказываться увольнением со службы [3, ч. 1 кн. 1. гл. I. п. 2].

Непосредственное руководство деятельностью по обеспечению правопорядка возлагалась на Главного земского судью или воеводу Екатеринбургского ведомства. Его права и обязанности регламентировались IV главой устава [9, с. 297] и приравнивались к должности провинциального воеводы.

Однако несмотря на урегулированность этих функций Указом 1728 г. дополнительная регламентация понадобилась из-за специфики «горных и заводских дел, в которые прочим губернаторам и воеводам вступаться запрещено» [3, ч. 1 кн. 3, с. 337].

Под его юрисдикцию попадало все население приписных к заводам слобод, включая должностных лиц. Для исполнения своих обязанностей он назначал земских судей, управителей и иных должностных лиц с утверждением их Канцелярией главного заводов правления.

Все дела о правонарушениях он должен был разрешать коллегиально с участием двух ассессоров, один из которых занимал должность начальника полиции.

Однако из-под его юрисдикции были выведены субъекты, непосредственно занятые в заводском производстве, начиная от подмастерьев и мастеров под руководством горнозаводской администрации, и зачисляя должностными лицами коронной администрации, владельцами и руководством частной промышленности, которые оставались под юрисдикцией главы горного ведомства на Урале.

При этом земская власть имела определенную административную схожесть с горнозаводской, что подтверждается анализом п. 2 гл. IV, которая носила такое же название: «О власти над подчиненными», как и аналогичный параграф, определявший права и обязанности Главного заводов правителя.

Особое внимание уделялось предупреждению правонарушений. Рекомендовалось «...над ними ...накрепко надзирать, в недозволениях наставлять и поучать, от беспорядков отвращать и удерживать» [3, ч. 1 кн. 3, с. 338].

Кроме общих Главный земский судья исполнял и специальные обязанности, связанные со спецификой горнозаводского ведомства.

Прежде всего, это обеспечение заводов вспомогательной рабочей силой за счет крестьян приписных слобод с контролем времени их работы, а также надзор за сбором рекрут и переводом их в постоянные работники предприятий.

Специальная вторая часть Заводского устава содержала только одну главу: «О должности Заводского комиссара или Обергитенфервальтера», однако она состоит только из 11 пунктов, уступает нормативной насыщенности Наказов и практически не касается его полицейских функций. Это объясняется тем, что Наказ 1723 г. продолжал действовать, и на него постоянно делались ссылки в текущей деятельности [9, с. 309–310].

Таким образом, в первой половине XVIII в. в горнозаводском ведомстве на Урале была создана действенная система обеспечения правопорядка, с одной стороны, не уступающая по эффективности общеимперской, а с другой – учитывающая потребности горнозаводского ведомства.

Литература

1. Геннин В., де. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735. М. : История заводов, 1937.
2. Инструкция управляющему горными заводами на Урале В. де Геннина начальнику Егошихинского завода капитану Берглину // Археограф. ежегодник за 1969 г. М. : Наука, 1971. С. 305–309.
3. Князьков С. А. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1909.
4. Манин В. А. Формирование горнозаводского земельного законодательства России во второй половине XVII–XVIII веков. Екатеринбург : Изд-во УрАГС, 2018.
5. О власти над подчиненными // Горн. журн. 1831. Ч. 1. Кн. 1. Гл. I, п. 2.
6. Полн. собр. законов Рос. империи ; собр. I-е (ПСЗ I).
7. Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских времен (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007. 608 с.
8. Сафронова А. М., Порунов М. В. Документирование деятельности коронной администрации в Заводском уставе В. Н. Татищева 1735 г. // Документ. архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 288–311.
9. Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. // Науч. наследство / отв. ред. А. И. Юхт. М. : Наука, 1990. Т. 14. 440 с.

УДК 343.31/.32(470)

*Попова Л. А.
Popova L. A.*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

LEGAL REGULATION OF INFORMATION COUNTERMEASURES AGAINST SPREAD OF EXTREMISM AND TERRORISM IN RUSSIA

В статье рассмотрены вопросы правового регулирования противодействия распространению экстремизма и терроризма в России. Проведен анализ действующей нормативной базы как на федеральном, так и на региональном уровне. Обозначены основные проблемы организации информационного противодействия и предложены пути их решения.

The article considers issues of countermeasures legal regulation against the spread of extremism and terrorism in Russia. The analysis of the current regulatory framework at both the Federal and regional levels is performed. The main problems of information countermeasures organization are specified and ways of their solution are proposed.

Ключевые слова: распространение экстремизма; противодействие терроризму; информационное противодействие; правовое регулирование.

Keywords: spread of extremism, counter-terrorism, information countermeasures, legal regulation.

Информация в современном мире играет огромную роль. Стремительное развитие науки и техники сделало ее доступной практически для каждого. К сожалению, в настоящее время очевидно, что не всегда и не всеми информация, ее доступность и простота распространения используется во благо.

Информация оказывает огромное влияние на людей, на принятие ими решений, выбор вариантов поведения. Однако современный человек, получив доступ к невиданному никогда ранее объему данных, не имеет практически никаких средств, позволяющих обеспечить его безопасность в сети, прежде всего, безопасность ментальную.

Активно разрабатываются программные средства, обеспечивающие защиту персональных данных от несанкционированного доступа, защищающих от хакерских атак, от вредоносных вирусов, однако наполнение контента, к которому, как правило, по собственной воле получает доступ пользователь, качество полученной информации, степень ее влияния на него оценивает он сам. Пользователь же, в большинстве случаев, не способен противостоять используемым психотехнологиям влияния и формирования мнения, воздействия на сознание, не способен отличить правду от лжи. И если сегодня мы можем констатировать доступность информации для каждого, мы также можем утверждать, что в настоящее время практически отсутствуют действенные механизмы ее фильтрации. Процесс формирования защиты личности от воздействия нежелательной информации находится лишь в начальной стадии.

Фактически большинство россиян сегодня подвергаются постоянному воздействию со стороны различных источников, пытающихся, используя манипулятивные технологии, добиться втягивания граждан России в процессы, имеющие свои истоки за пределами нашей страны. Наибольшую опасность имеют активные и все более многочисленные попытки вербовки россиян в целях вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность.

В связи с этим, политика государства в сфере организации информационного противодействия указанным негативным явлениям должна носить опережающий характер. Зачастую

имеет место ситуация, когда на федеральном уровне принимается нормативный акт или вносятся коррективы в существующий документ в связи с выявлением пробелов или коллизий правового регулирования информационной безопасности страны и ее граждан уже после совершения террористических преступлений на территории России.

В настоящее время в масштабах страны и в регионах создана правовая база построения системы информационного противодействия экстремизму и терроризму. Начало этому процессу было положено Указом Президента РФ от 15 февраля 2006 г. «О мерах по противодействию терроризму» [7]. Последующее развитие нормативно-правовой базы противодействия терроризму было очень активным. Были приняты Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35 «О противодействии терроризму» [8], Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации [3] и ряд иных значимых документов.

С 2008 г. начался этап формирования правовой базы, регулирующей вопросы обеспечения безопасности информационного пространства, а также безопасности граждан РФ от противоправного информационного воздействия. Президентом Российской Федерации 13 мая 2008 г. был утвержден Комплексный план информационного противодействия терроризму в Российской Федерации [4], последовательной реализацией которого были созданы предпосылки для достижения главных целей – снижения уровня радикализации населения и создание условий для устранения возможности распространения террористической и экстремистской идеологии в нашей стране.

С 2013 г. основным документом в рассматриваемой сфере является «Комплексный план противодействия распространению идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы» [6], в котором в качестве первоочередной цели определено «создание и задействование механизмов защиты информационного пространства Российской Федерации от проникновения в него любых идей, оправдывающих террористическую деятельность».

Следующим значительным шагом в формировании правовых основ информационного противодействия терроризму и экстремизму стала утвержденная Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [1], в которой изложен систематизированный и комплексный подход к процессу формирования государственной политики по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере.

Государственная политика по информационному противодействию распространению терроризма и экстремизма реализуется также путем формирования нормативной базы на региональном уровне. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре утвержден комплексный план мероприятий по информационному противодействию терроризму и идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы (в ред. распоряжения Губернатора ХМАО – Югры от 24.06.2013 № 428-рг) [5].

В качестве основных мер по информационному противодействию терроризму и экстремизму определены:

1. Мероприятия по разъяснению сущности терроризма и его общественной опасности, формированию стойкого неприятия обществом, прежде всего молодежью идеологии терроризма в различных ее проявлениях.

2. Мероприятия по противодействию вовлечению в террористическую деятельность граждан и пресечению распространения экстремистских идей.

3. Мероприятия по работе со средствами массовой информации.

4. Размещение социальной рекламы в местах массового пребывания людей.

5. Мероприятия по индивидуальному профилактическому воздействию на лиц, наиболее подверженных влиянию идеологии терроризма.

6. Мероприятия по формированию у молодежи стойкого неприятия идеологии терроризма.

7. Мероприятия по формированию единого антитеррористического информационного сообщества на основе постоянно действующих и взаимосвязанных информационных ресурсов.

8. Проведение культурно-массовых мероприятий.

9. Развитие и поддержка национальных и религиозных традиций населения автономного округа.

10. Формирование и совершенствование законодательных, нормативных, организационных и иных механизмов, способствующих проведению мероприятий по противодействию распространению террористической идеологии, а также устранению причин и условий, способствующих ее восприятию.

11. Формирование и совершенствование законодательных, нормативных, организационных и иных документов в области противодействия идеологии терроризма и экстремизма.

12. Мониторинг информационной среды.

13. Совершенствование системы религиозного образования.

В плане предусмотрен широкий спектр видов деятельности, таких как оказание адресного профилактического воздействия, в том числе в Интернет, на категории лиц, наиболее подверженных или уже попавших под воздействие идеологии терроризма; организация курсов повышения квалификации сотрудников исполнительных органов государственной власти автономного округа и органов местного самоуправления муниципальных образований автономного округа; обеспечение систематического проведения «круглых столов» с участием представителей национальных этнических диаспор, религиозных конфессий, представителей средств массовой информации и органов местного самоуправления муниципальных образований автономного округа по обсуждению возникающих межнациональных противоречий; подготовка и размещение в средствах массовой информации, а также показ в образовательных учреждениях начального, среднего и высшего образования информационных материалов (телесюжетов) и специализированных передач по вопросам профилактики терроризма, пропаганды социально значимых ценностей и создания условий для мирных межнациональных и межрелигиозных (межконфессиональных) отношений, а также материалов направленного содержания, раскрывающих технологии привлечения молодежи к террористической деятельности с использованием Интернет (не менее 10 информационных материалов в год согласно медиа-плану) и др.

Анализ мероприятий плана позволяет говорить о его комплексном характере, продуманности, научной обоснованности и возможном положительном эффекте реализации.

Однако следует обратить внимание на несколько формализованный подход к формированию перечня реализуемых мероприятий. Так, использование Интернет, в основном, заключается в размещении соответствующих материалов на официальных и специализированных сайтах, созданных именно для таких целей. При этом очевидно, что та целевая аудитория, на которую и должна быть рассчитана размещаемая информация, как правило, не посещают официальные и целевые сайты, либо делают это крайне редко, в основном для поиска интересующей информации, в круг которой, со всей очевидностью, не входят материалы анти-террористической и антиэкстремистской пропаганды.

Решение этой проблемы видится в расширении спектра форматов размещения соответствующих материалов. Прежде всего, должны быть охвачены социальные сети. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 45 % опрошенных старше 18 лет пользуются хотя бы одной из социальных сетей почти каждый день, 62 % – хотя бы раз в неделю. Полностью исключены из социальных медиа около трети (20 % из-за отсутствия доступа в интернет, и еще 10 % не имеют ни одного аккаунта).

Максимальный уровень вовлеченности ожидаемо оказался среди молодежи – в группе 18–24 года практически ежедневно пользуются социальными сетями 91 %, среди опрошенных 25–34 лет таких 69 % (в группе старше 60 лет – только 15 %).

Наиболее массовый охват в России имеет сеть ВКонтакте – о ее ежедневном посещении сказали 28 %; второе место занимают «Одноклассники» (19 %); третье – Instagram (14 %). Для ежедневной аудитории Google+ составила 7 %, по 4 % набрали Facebook и «Мой Мир», по 1 % у Twitter и «Живого журнала».

ВКонтакте и Instagram оказались наиболее молодежными площадками. Наибольшая доля аудитории пользователей ВКонтакте (40 %) приходится на людей в возрасте 25–34 лет; среди пользователей Instagram 38 % – в возрасте 18–24 лет, 37 % – в возрасте 25–34 года; среди ежедневной аудитории «Одноклассники» самая распространенная группа также в возрасте 25–34 года (28 %). При этом распределение аудитории «Одноклассник» по возрасту наиболее близкое среди всех социальных сетей к общему распределению интернет-аудитории в России. В социальных сетях Facebook и «Мой Мир» преобладает более взрослая аудитория: среди аудитории Facebook больше всего людей в возрасте от 35 до 44 лет (28 %) и от 45 до 59 (26 %); ядро аудитории «Мой Мир» – пользователи в возрасте 45–59 лет (39 %) [2].

Таким образом, очевидно, что если не обращать внимание на бурно развивающийся процесс вовлеченности населения, особенно молодежи, в социальные сети, если не выстроить систему использования соцсетей в целях противодействия распространению терроризма и экстремизма в России, иные меры не смогут обеспечить достижения того эффекта, который запланирован в качестве целевого в документах федерального и регионального уровней.

Подводя итог, следует отметить значимость деятельности государства по созданию правовой базы противодействия терроризму и экстремизму в информационной среде. Представляется, что данная деятельность имела бы большую эффективность при условии использования научных исследований тенденций развития информационной среды в России и отсутствия формального, «для галочки» подхода при планировании отдельных мероприятий.

Фактически, органы государственной и местной власти, создавая программные документы и выделяя финансирование на реализацию запланированных мероприятий, должны четко представлять, на какую аудиторию они рассчитаны, возможно ли запланированными мероприятиями достичь поставленных целей. Правильные ответы на эти вопросы можно дать лишь в тесном взаимодействии с наукой – социологией, психологией, юриспруденцией.

Создание и корректирование правовой базы информационного противодействия распространению терроризма и экстремизма в России – процесс перманентный, в связи с чрезвычайно активным развитием информационной среды в нашей стране. Законотворческая деятельность должна обеспечить, прежде всего, актуальность правовых положений с учетом наблюдающихся тенденций и перспектив развития страны.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утверждена Указом Президента РФ 5 декабря 2016 г. № 646. Доступ из ИПП «ГАРАНТ».
2. Каждому возрасту – свои сети // Всерос. центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата обращения: 02.03.2018).
3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации : утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г. // Рос. газ. 2009. № 198.
4. Комплексный план информационного противодействия терроризму в Российской Федерации : утвержден Президентом Российской Федерации 13 мая 2008 г. Доступ из ИПП «ГАРАНТ».
5. Комплексный план мероприятий по информационному противодействию терроризму в ХМАО – Югре и реализации плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы : утвержден распоряжением Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 29 декабря 2012 г. № 838-рг. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Комплексный план противодействия распространению идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы : утвержден Указом Президента Российской Федерации 26 апреля 2013 года № Пр-1069. Доступ из ИПП «ГАРАНТ».
7. О мерах по противодействию терроризму : указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 // Рос. газ. 2006. № 34.
8. О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Рос. газ. 2006. № 48.

УДК 343.23+343.34

Слободенюк М. А.
Slobodenyuk M. A.

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
ПО МОТИВУ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ**

**CRIMINOLOGICAL CHARACTER OF VIOLENT CRIMES
COMMITTED BY MINORS MOTIVATED BY NATIONAL HATRED**

В статье приведены данные за последнее десятилетие по количеству совершаемых преступлений несовершеннолетних, мотивированных национальной ненавистью, осуществлен анализ представленных данных, дана сравнительная характеристика показателей преступности несовершеннолетних по мотиву национальной ненависти в соотношении с общим показателем преступлений, мотивированных ненавистью. Составлен среднесрочный прогноз динамики насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними по мотиву национальной ненависти.

The article describes the number of crimes committed by minors motivated by national hatred, for the last decade. The analysis of the submitted data is carried out. The comparison of indicators between crimes committed by minors for hatred and general hatred motivated crimes is drawn. The dynamics middle-term prediction of violent crimes committed by minors for national hatred motive is made.

Ключевые слова: насильственные преступления, несовершеннолетние, статистика преступности, мотив национальной ненависти.

Keywords: violent crimes, minors, crime statistics, motive of national hatred.

Развитие современного общества характеризуется обострением деструктивных социальных процессов сепаратистской направленности. Миграционные процессы, социально-экономическая «депрессия», неосведомленность населения, межэтническая напряженность во многом явились причиной сложившейся криминальной обстановки в России [12]. Агрессивное поведение, криминогенные факторы, враждебность значительно влияют на мировоззрение молодежи. Несмотря на меры по профилактике преступности, поддержке детей, оказавшихся в неблагополучных социальных условиях, показатель подростковой преступности, мотивированной национальной ненавистью, растет [4].

Социальное значение проблемы насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними по мотиву национальной ненависти, обусловило необходимость изучения не только количественных, но и качественных показателей, которые позволят выявить сущность данного социального явления, его взаимосвязь с внутренними и внешними факторами, определить тенденции развития подростковой преступности, мотивированной национальной ненавистью, представить среднесрочный прогноз динамики насильственной преступности несовершеннолетних, мотивированной национальной ненавистью. Отметим, что прогнозирование статистических рядов строится согласно теории криминологического прогнозирования, согласно которой преступность как явление имеет в своем развитии циклический характер движения, периоды спада и подъема сменяют друг друга, образуя спираль, которая имеет определенные закономерности развития.

Понятие «насильственные преступления, совершенные несовершеннолетними по мотиву национальной ненависти», – это общественно опасное явление, в основе которого лежат

умышленные противоправные действия физического или психического характера, направленные против личности или национальной группы, вызванное бессознательной мотивацией несовершеннолетних, их возрастными физиологическими факторами поведения; проявление имплицитного поведения или эксплицитного самовыражения несовершеннолетних [8].

В соответствии с приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399, г. Москва «Об едином учете преступлений» установлена централизованная система регистрации данных по каждой категории преступлений, а также ведется учет основных социально-демографических показателей, характерных для лиц, совершивших преступления, в том числе пол, возраст, социальное положение и т. п. [6]. На основе указанных данных, публикуемых Генеральной прокуратурой Российской Федерации, приведен анализ показателей насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними по мотиву национальной ненависти, в соотношении с общим показателем насильственных преступлений, мотивированных ненавистью, а также данные насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними по мотиву национальной ненависти, которые представлены на сайте информационно-аналитического центра «СОВА» [2].

Таблица 1

**Общие сведения о состоянии преступности
несовершеннолетних или при их соучастии [6]**

Показатель/год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
г. Москва								
Предварительно расследовано особо тяжких преступлений	73	66	34	28	59	36	37	44
Предварительно расследовано средней тяжести преступлений	408	366	365	520	390	329	265	226
Предварительно расследовано небольшой тяжести преступлений	286	274	320	339	225	292	162	149
Предварительно расследовано преступлений	1 145	1 022	970	1 204	938	847	728	566
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	980	951	989	1 112	949	868	653	559
г. Санкт-Петербург								
Предварительно расследовано особо тяжких преступлений	33	35	51	60	59	79	51	60
Предварительно расследовано средней тяжести преступлений	279	303	229	332	342	351	324	235
Предварительно расследовано небольшой тяжести преступлений	108	150	221	261	186	211	155	118
Предварительно расследовано преступлений	657	760	681	847	768	805	703	575
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	711	846	758	849	854	793	646	572
Алтайский край								
Предварительно расследовано особо тяжких преступлений	41	30	30	10	16	32	42	43
Предварительно расследовано средней тяжести преступлений	929	816	561	684	611	627	613	541
Предварительно расследовано небольшой тяжести преступлений	356	341	386	434	413	503	449	352
Предварительно расследовано преступлений	1 670	1 490	1 181	1 375	1 239	1 369	1 310	1 134
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	1 576	1 459	1 220	1 320	1 129	1 337	1 219	1 115
Республика Башкортостан								
Предварительно расследовано особо тяжких преступлений	84	36	44	32	26	58	53	29

Окончание табл. 1

Показатель/год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Предварительно расследовано средней тяжести преступлений	968	856	718	748	639	578	624	449
Предварительно расследовано небольшой тяжести преступлений	364	357	373	408	331	338	371	299
Предварительно расследовано преступлений	1 863	1 618	1 354	1 444	1 224	1 195	1 273	953
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	1 822	1 506	1 237	1 352	1 151	1 215	1 174	946
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра								
Предварительно расследовано особо тяжких преступлений	18	19	12	16	53	26	11	24
Предварительно расследовано средней тяжести преступлений	517	575	629	495	292	318	337	324
Предварительно расследовано небольшой тяжести преступлений	220	339	192	293	192	168	142	159
Предварительно расследовано преступлений	946	1 123	964	957	648	621	556	580
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	919	923	832	801	548	558	477	520

В табл. 1 представлены регионы, в которых наиболее часто встречаются «неоднократные случаи массовых насильственных действий» на национальной почве [12]. Анализ общего состояния преступности лиц, не достигших на момент совершения преступления совершеннолетия, за период 2010–2017 гг. [6] свидетельствует об общем уровне снижения преступности несовершеннолетних или при их соучастии. Однако за последние 10 лет наибольшее количество насильственных преступлений зафиксировано в Москве (193 убитых, 905 человек ранены) и Санкт-Петербурге (60 человека убиты, 347 ранены), кроме того, из регионов более всего выделяется Алтайский край и Республика Башкортостан, где число жертв такого насилия намного превосходит показатели других регионов России. Начиная с 2017 г. по настоящее время зафиксировано 2 840 раненных по всей территории Российской Федерации, из которых от рук несовершеннолетних пострадали 244 человека, это значит, что каждое десятое избиение совершается подростками. В целом же по России каждое пятое преступление по мотиву национальной ненависти совершается с участием несовершеннолетних, это намного больше, чем доля преступности несовершеннолетних в структуре всей преступности, которая колеблется на уровне 5 % уже более 10 лет [9]. Согласно данным отечественных исследователей [1], в России именно в 2008–2009 гг. наблюдалось значительное снижение преступности несовершеннолетних в целом по всем категориям преступлений. В 2008 г. зафиксировано снижение числа расследованных преступлений несовершеннолетних и при их соучастии более чем в два раза по сравнению с 2007 г. Такая же тенденция сохранилась и в 2009 г., а статистика насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними по мотиву национальной ненависти, по всем категориям преступлений отражает скачок преступной активности в 2010 г.

В табл. 2 представлены показатели насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними по мотиву национальной ненависти, за последние десять лет на территории Российской Федерации [2]. Рассматриваемые нами данные приводятся без учета жертв нападения на Северном Кавказе и в Крыму, а также жертв массовых драк, бездомных, если мотив ненависти не признан следствием. Это сделано в целях получения объективных данных, так как события на Кавказе и, соответственно, сведения по насилию вплоть до 2006 г. будут искажены в связи с происходившими военными действиями, в результате которых участие несовершеннолетних в актах насилия по мотиву национальной ненависти значительно возросло [10].

Таблица 2

**Показатели насильственных преступлений,
совершенных несовершеннолетними по мотиву национальной ненависти [2]**

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Кол-во	28	44	37	116	45	14	16	5	9	9	5

Представленные статистические данные свидетельствуют о том, что за последнее десятилетие основной скачок изучаемого явления явился на 2010 г., а потом пошел на спад. Генеральная прокуратура РФ подтверждает резкое снижение уровня насилия по мотивам ненависти [5]. По утверждению официального представителя Александра Куренного, в 2017 г. правоохранные органы зафиксировали на 55 % меньше насильственных экстремистских преступлений (убийство, умышленное причинение вреда здоровью различной тяжести или истязание), чем в 2015–2016 гг. На официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации опубликована информация «об определенной стабилизации обстановки в части межнациональной напряженности», так, в 2016 г. правоохранные органы зафиксировали на 40 % меньше насильственных преступлений, совершенных по мотиву национальной ненависти, по сравнению с предыдущим годом.

Далее представим социальный портрет преступности по возрастному критерию (табл. 3).

Таблица 3

Социальный портрет преступности (по возрасту) [6]

Возраст, лет/год	2010 жен/муж	2011 жен/муж	2012 жен/муж	2013 жен/муж	2014 жен/муж	2015 жен/муж	2016 жен/муж
г. Москва							
14–15	52/236	39/205	49/184	57/231	43/220	38/165	13/150
16–17	103/589	120/587	123/633	125/699	98/588	73/599	60/430
г. Санкт-Петербург							
14–15	32/160	30/209	30/156	27/184	45/202	41/162	41/151
16–17	52/467	88/519	55/517	92/546	76/531	86/504	52/402
Алтайский край							
14–15	48/373	47/373	39/281	49/297	52/311	56/361	59/346
16–17	112/1043	106/933	89/811	93/881	84/682	132/788	102/712
Республика Башкортостан							
14–15	60/360	70/327	41/249	63/281	48/247	55/246	41/232
16–17	163/1 239	117/992	122/825	109/899	88/768	93/821	114/787
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра							
14–15	35/266	45/248	46/236	47/238	24/143	33/109	21/143
16–17	60/558	68/562	64/486	57/459	49/332	50/366	46/267

По статистическим данным о лицах, не достигших на момент совершения преступления совершеннолетия, в период 2010–2017 гг. [6] видно, что лиц мужского пола значительно больше и в возрастной категории 14–15 лет, и в возрастной категории 16–17 лет; а также 16–17-летние подростки совершают преступления в два, а то и в три раза чаще, чем юноши и девушки 14–15 лет. Из представленных данных прирост количества преступлений лиц, не достигших на момент совершения преступления совершеннолетия, наблюдается в 2010–2011 гг. Половозрастная структура преступности несовершеннолетних, мотивированных национальной ненавистью, также имеет традиционное распределение, т. е. основное число преступлений приходится на юношей, которые находятся в старшей возрастной подростковой группе, а именно 15–17 лет, доля представителей женского пола чрезвычайно мала и составляет менее 1 % от общего числа преступников данной категории. Кроме того, основные

представители данной категории преступников имеют неоконченное общее и среднее образование, а также не имеют постоянного источника дохода. Возрастной критерий в составлении портрета преступности очень важен, криминологами доказано, что большинство преступников, достигших совершеннолетия, привлекались еще в юности. В этой связи необходимо разработать целую систему государственных программ, направленных на гармонизацию отношений в обществе, создание условий для обучения и воспитания молодежи, обеспечение досуга и занятости молодежи и т. п., особенно юношей и девушек из неблагополучных семей.

Мониторинг количества преступлений экстремистской направленности за период 2010–2017 гг., проведенный нами по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, представлен в табл. 4.

Таблица 4

Количество преступлений экстремистской направленности [6]

Год/ кол-во	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
г. Москва								
1	126	45	44	31	33	70	55	33
г. Санкт-Петербург								
2	23	10	19	3	11	15	36	7
Алтайский край								
3	7	1	2	21	14	19	22	28
Республика Башкортостан								
4	19	18	22	22	11	18	14	11
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра								
5	3	4	5	12	16	2	7	13

Таблица 4 отражает количество преступлений экстремистской направленности, направленных в суд, в их числе деятельность организаций/объединений/физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на унижение национального достоинства, национальная или религиозная ненависть, побои, причинение легкого вреда здоровью или угроза убийством. Согласно представленным данным, тенденция к снижению экстремистского насилия наметилась в 2015 г. и свидетельствует «об определенной стабилизации обстановки в части межнациональной напряженности» [7], но в 2017 г. произошел скачок: 13 уголовных дел было направлено в органы предварительного следствия, но только 2 из них расследовано и направлено в суд [11]. Этому есть несколько причин: во-первых, политика единения народов, которая значительно корректирует статистику преступлений, связанных с национальным вопросом; во-вторых, упущение в квалификации преступлений, связанное с трудностями доказывания мотива как такового и, в частности, мотива национальной ненависти, который при расследовании преступлений является «обузой» в деле успешного окончания предварительного расследования.

Далее рассмотрим структуру распределения жертв насильственных преступлений, мотивированных национальной ненавистью (табл. 5).

Таблица 5

Характеристика пострадавших от насильственных преступлений, мотивированных национальной ненавистью [2]

Пострадавшие	Тип насилия	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Всего
Азиаты	убийство	2	5	13	15	8	10	18	41	55	36	–	203
	избиение	21	14	45	77	44	51	103	132	190	131	9	817

Окончание табл. 5

Пострадавшие	Тип насилия	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Всего
Кавказцы	убийство	1		3	3	4	8	5	18	22	27	–	91
	избиение	3	8	17	31	19	23	48	96	100	102	3	450
Темнокожие	убийство	–	–	–	–	–	1	1	2	2	–	1	7
	избиение	–	6	15	7	26	20	30	61	29	34	–	228
Русские	убийство	–	–	–	–	–	2	1	–	3	–	–	6
	избиение	–	1	5	3	3	9	9	8	15	22	2	77
Евреи	убийство	–	2	–	–	–	1	–	–	–	–	–	3
	избиение	2	3	1	2	–	3	3	4	6	10	–	34
Другие	убийство	1	1	3	–	1	1	10	21	22	22	–	82
	избиение	13	15	21	39	23	47	132	110	135	169	6	710
Всего	убийство	4	8	19	18	13	23	35	82	104	85	1	392
	избиение	39	47	104	159	115	153	325	411	475	468	20	2 316

Данные в табл. 5 приведены без учета жертв нападений на Северном Кавказе и в Крыму, жертв массовых драк, а также бездомных. Анализ изучаемого профиля показал, что наибольшее число жертв подросткового насилия приходится на людей, обладающих явными признаками принадлежности к определенной национальности, которых нападавшие воспринимали как «этнических чужаков» [6]. В 2016 г. 4 человека были убиты в результате нападения по национальному признаку, что в два раза меньше, чем в 2015 г. (8 человек). Одной из причин такого снижения может служить возобновление в последнее время практики депортации мигрантов, но этот фактор влияет только на число ситуативных нападений, так как для тех подростков, которые целенаправленно нападают на людей, обладающих признаками принадлежности к определенной национальности, это не имеет значения [9]. Как видно из табл. 4, наибольшее число пострадавших – азиаты и кавказцы. Темнокожие в два раза реже подвергаются насилию, чем кавказцы, и в 3,5 раза реже, чем азиаты. По утверждению М. П. Клейменова, в России преобладают «кавказофобия» и «азиатофобия», способствующие развитию острого этнического конфликта [3]. Половозрастная структура лиц, пострадавших от насильственной преступности несовершеннолетних, имеет следующее распределение: средняя доля женщин за последние десять лет составляет 10 %, а доля потерпевших, не достигших 18 лет – 2,7 % [2]. Это говорит о том, что нападения, в основном, происходят на взрослых мужчин, это значит, что преступники не боятся сопротивления, и в данном случае происходит «демонстрация силы» со стороны нападавших.

Изучение количественных и качественных показателей позволило составить среднесрочный прогноз динамики насильственной преступности несовершеннолетних, мотивированной национальной ненавистью. Несмотря на то, что в период 2010–2017 гг. наблюдается снижение криминальной активности подростков в области национальных конфликтов, уже сейчас следует ожидать изменение ситуации в ближайшие 3 года. В связи с «распространением радикальной идеологии при помощи информационно-коммуникативных сетей» [5] возобновляется криминальная активность затаившихся сейчас подростков-националистов, поэтому количество преступлений несовершеннолетних по мотиву национальной ненависти будет только увеличиваться.

На сегодняшний день общая картина насильственной преступности несовершеннолетних имеет сложный динамический характер. Необходимо готовить меры превентивного характера для сглаживания очередного витка преступной активности несовершеннолетних, связанной с национальной ненавистью. Уже сейчас требуется разработка культурно-массовых проектов, проведение молодежных форумов и мероприятий в молодежной среде, направленных на организацию досуга несовершеннолетних, попадающих в «группу риска», восстановление института наставничества и общественного контроля, а также усиление контроля над интернетом. Необходимо также особое внимание уделить развитию мер реагиро-

вания на проявления кавказофобии и азиатофобии среди молодежи. Следует обеспечить должное правовое реагирование на случаи проявления насильственной преступности несовершеннолетних по мотиву национальной ненависти, обуславливающие неблагоприятную динамику данного явления.

Литература

1. Демидова-Петрова Е. В. Показатели преступности несовершеннолетних и молодежи в Российской Федерации // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 3 (17). С. 45–52.
2. Информационно-аналитический центр «СОВА» : база данных. URL: <http://www.sova-center.ru> (дата обращения: 20.01.2018).
3. Клеймёнов М. П. Ксенофобия в глобальном измерении // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. 2015. № 2 (43). С. 248–253.
4. Отчет правительства ХМАО. URL: <https://gov.admhmao.ru/> (дата обращения: 21.10.2017).
5. Генеральная прокуратура Рос. Федерации : сайт. URL: <https://www.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 21.01.2018).
6. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 21.01.2018).
7. Прокуратура рассказала о резком снижении уровня экстремистского насилия // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/society/> (дата обращения: 21.01.2018).
8. Слободенюк М. А. Понятие насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними по мотиву национальной ненависти // Публич. и частн. право. 2016. № 3. С. 198–206.
9. Старков О. В. Криминология: теория и практика : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2014. 641 с.
10. Статистика Генпрокуратуры: Россия тонет в волне жестокого криминала // Моск. комсомолец. URL: <http://www.mk.ru/social> (дата обращения: 22.01.2018).
11. Статистические данные о работе следственного управления // Следственный комитет Рос. Федерации. URL: <http://hmao.sledcom.ru/> (дата обращения: 22.01.2018).
12. Центр изучения национальных конфликтов : сайт. URL: <http://news.ykt.ru/> (дата обращения: 22.01.2018).

УДК 343.98+351.74

Стенина Л. Л.
Stenina L. L.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASICS OF FORENSIC ACTIVITY
IN INTERNAL AFFAIRS BODIES**

В статье рассмотрена проблема организационно-правовых основ экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации. Исследованы нормативно-правовые акты, регламентирующие данную деятельность, а также функции органов внутренних дел в данной сфере.

The article describes the problem of organizational and legal basics of forensic activities in the internal affairs bodies of the Russian Federation. The regulatory legal acts governing this activity are analyzed, as well as the functions of the internal affairs bodies in this regard are considered.

Ключевые слова: органы внутренних дел, экспертно-криминалистическая деятельность, Россия, Министерство внутренних дел, правосудие.

Keywords: internal affairs bodies, forensic activities, Russia, Ministry of Internal Affairs, justice.

Экспертно-криминалистическая деятельность в органах внутренних дел (ОВД) регламентируется Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ) «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» от 11.01.2009 № 7 [6]. Здесь важно отметить, что некорректно отождествлять такие понятия, как «экспертно-криминалистическая деятельность» и «государственная судебно-экспертная деятельность». Это обуславливается тем, что экспертно-криминалистическая деятельность включает в себя несколько функций, а государственная судебно-экспертная деятельность, в свою очередь, определяется как организация и производство судебной экспертизы в процессе уголовного, административного, гражданского, арбитражного судопроизводства.

Также необходимо отметить, что существующая на сегодняшний день модель экспертно-криминалистической деятельности, которая направлена на комплексное технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, формировалась в России почти сто лет [2].

Непосредственно в уголовном судопроизводстве экспертно-криминалистическая деятельность регламентируется нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) и включает в себя:

- осуществление сотрудниками ОВД судебных экспертиз и исследований;
- участие сотрудников экспертно-криминалистических подразделений в процессуальных действиях.

При исследовании объектов сотрудники ОВД в соответствии со ст. 144 УПК РФ вправе требовать производства следующих процедур: документальных проверок; ревизий; исследований документов, предметов, трупов.

Все результаты проведенных исследований должны быть оформлены в формате справки/заключения о проведенном исследовании/экспертизе, которая должна быть подписана сотрудником, который проводил данное исследование, и его непосредственным руководителем.

С другой стороны, необходимо отметить, что в УПК РФ не содержатся прямых указаний, можно ли считать справки об экспертных исследованиях источником доказательств. Следовательно, экспертно-криминалистическая деятельность строится на дублировании экспертных исследований на стадии возбуждения уголовного дела и последующего назначения судебной экспертизы. Из данных обстоятельств можно сделать вывод, что сотрудники ОВД не могут корректно трактовать существующие процессуальные средства, а также производить их необоснованный перерасход [7].

Поднимая вопрос участия сотрудников экспертно-криминалистических центров ОВД в роли специалистов в производстве процессуальных действий, следует отметить, что зачастую они привлекаются к осмотру места происшествия, получению образцов для сравнительного исследования, допросу, обыску и др.

В административном судопроизводстве экспертно-криминалистическая деятельность предусматривает:

- производство судебных экспертиз;
- содействие в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств;
- содействие в применении технических средств [3].

В оперативно-розыскной деятельности экспертно-криминалистическая работа осуществляется на основании Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ, который предусматривает организацию и проведение оперативно-розыскных мероприятий с применением экспертно-криминалистических средств и методов [5].

Непосредственно сами сотрудники экспертно-криминалистических подразделений городских и районных ОВД выполняют следующий ряд криминалистических экспертиз: дактилоскопические; трасологические; баллистические; почерковедческие; исследование холдного оружия; технико-криминалистическое исследование документов.

Проведение данных видов экспертиз позволяет реализовать начальный этап раскрытия преступлений. Следовательно, сотрудничество экспертов-криминалистов со следователями помогает осуществлять такие экспертизы в кратчайшие сроки.

Рассматривая такой вид экспертно-криминалистической деятельности, как государственная геномная регистрация, следует отметить, что он осуществляется на основании Закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 № 242-ФЗ и предусматривает добровольную и обязательную государственную геномную регистрацию (деятельность по получению, учету, хранению, использованию, передаче и уничтожению биологического материала и обработке геномной информации) [4].

В данном случае сотрудники экспертно-криминалистических подразделений ОВД должны проводить исследование поступившего биологического материала лиц, подлежащих государственной геномной регистрации, и занесение информации об этом в информационные карты.

Экспертно-криминалистическая деятельность ОВД при реализации государственной дактилоскопической экспертизы регламентируется Законом «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» от 13.12.1998 № 128-ФЗ. Данного рода деятельность непосредственно предусматривает обязательную, либо добровольную государственную дактилоскопическую регистрацию [1].

В целом, судебные экспертизы и исследования могут быть назначены в рамках предварительного исследования при расследовании уголовных дел, а также при производстве по административным делам. При этом важно отметить, что в систему экспертно-криминалистических центров МВД входит Федеральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации». Экспертно-криминалистические отделы подчиняются непосредственно Управлению Министерства внутренних дел РФ, при которых они были созданы. Но целостную политику в области экспертно-криминалистической деятельности в России осуществляет ЭКЦ МВД России – головное экспертное подразделение, обеспечивающее функции Министерства по организации экспертно-криминалистической деятельности.

Литература

1. Данилкин И. А. Организация экспертно-криминалистической деятельности: противоречие формы и содержания // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2013. № 3. С. 22–23. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 25.03.2018).
2. Зинин А. М. Экспертно-криминалистическая деятельность: специфика функций ее субъектов // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2013. № 3. С. 24–25. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 25.03.2018).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.02.2018). URL: <http://fzrf.su/kodeks/koap/> (дата обращения: 21.03.2018).
4. Москвитина В. К. К вопросу об использовании геномной регистрации в расследовании преступлении // Вестн. соврем. исслед. 2016. С. 179–185. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28376786> (дата обращения: 25.03.2018).
5. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016). URL: <http://fzrf.su/> (дата обращения: 21.03.2018).
6. Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России : приказ МВД РФ от 11 января 2009 г. № 3-ФЗ (в ред. от 7 марта 2018 г. № 88). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.03.2018).
7. Цховребова И. А. Экспертно-криминалистическая деятельность органов внутренних дел: содержание и регламентация // Тр. Акад. управления МВД России. 2017. № 4 (24). С. 65–69. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 21.03.2018).

УДК 343.57

Сурихин П. Л.
Surikhin P. L.

**ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ**

**SYSTEMATIZATION ISSUES OF CRIMINAL STANDARDS
THROUGH CRIMES OF DRUG TRAFFICKING**

В статье на основе системного подхода рассмотрены проблемы обеспечения охраны общественных отношений. Проведен системный анализ моделей незаконного оборота наркотиков и противопоставляемых ему норм уголовного права. Выявлена недостаточная системность уголовно-правовых норм в исследуемой части, предложены способы ее восполнения.

The article examines the problems of social relations security on the basis of a system approach. A systematic analysis of drug trafficking patterns and the criminal standards that are opposed to it is conducted. An insufficient consistency of the criminal standards is found, and an attempt of their replenishment is made.

Ключевые слова: систематизация норм уголовного права, уголовно-правовая охрана общественных отношений, незаконный оборот наркотиков, системный анализ.

Keywords: systematization of criminal standards, criminal protection of social relations, drug trafficking, system analysis.

Объективно сложилось, что правоприменители и юристы-ученые в большей степени работают с отдельными нормами (статьями) Особенной части УК РФ, а многие из них – исключительно с диспозициями статей, не затрагивая санкции. Позволим себе отойти от сложившегося стереотипа, попытаемся произвести системный анализ целой группы преступлений одного вида – так называемых наркопреступлений, руководствуясь положениями теории систем [1–3].

Если первоначально обобщить составы наркопреступлений, описанные в УК РФ, обнаружится ряд моментов. Во-первых, можно будет выделить всего три относительно самостоятельные группы наркопреступлений, назовем их условно: 1) преступления, связанные с потреблением наркотиков; 2) преступления, связанные со сбытом наркотиков; 3) преступления, способствующие потреблению и сбыту наркотиков.

Во-вторых, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков как бы копируют процесс незаконного оборота наркотиков: процесс – вырастил (изготовил), перевез (переслал), продал-купил; составы преступлений – незаконное культивирование (переработка, изготовление, производство), перевозка (пересылка), сбыт-приобретение. Другие составы наркопреступлений направлены на борьбу с сопутствующими незаконному обороту наркотиков процессами.

В-третьих, очевидно, что составы наркопреступлений предполагают уголовную ответственность лишь за следствия незаконного оборота наркотиков: изготовление, сбыт, приобретение, утрату наркотиков и т. п. Но общественно-опасные отношения, которые приводят к следствию, практически ненаказуемы, например: пропаганда наркотиков; наркопотребление; жажда наживы посредством так называемого наркобизнеса; предоставление средств и услуг для незаконного оборота наркотиков (телефонная связь, интернет, банкинг, проведение массовых развлекательных мероприятий, аренда помещений); попустительство незаконному обороту наркотиков.

Обобщение составов наркопреступлений, описанных в УК РФ, дает нам повод задуматься о том, как мы должны представлять фактический незаконный оборот наркотиков, чтобы выстроить, противопоставить ему уголовно-правовые нормы, позволяющие эффективно бороться с наркопреступностью, поскольку то, что мы имеем сегодня в УК РФ, не обеспечивает желаемый результат: динамика наркопотребления положительная, причиняется существенный вред здоровью населения.

Вопрос систематизации норм требует уяснения общих положений теории систем как таковой. Именно эти знания позволят нам описать действительную модель незаконного оборота наркотиков, адекватную для борьбы с ним систему совокупности уголовно-правовых норм, а также модели конкретных элементов незаконного оборота и соответствующие им системы отдельных уголовно-правовых норм.

Одно из основных положений общей теории систем выражается в восприятии окружающего мира как одной большой системы, которая состоит из множества подсистем [1, с. 39]. Исходя из этого, можно обоснованно предположить, что УК РФ, являясь одной из подсистем нашей действительности, также состоит, в свою очередь, из множества подсистем: разделов, глав, отдельных норм. Таким же образом устроены и общественные отношения, как правомерные (охраняемые уголовным законом), так и противоправные.

Будем размышлять от частного к общему. Попытаемся представить систему отдельной нормы Особенной части УК РФ. Возьмем за основу простейшую ситуацию – абстрактную норму, когда она совпадает с текстом статьи. В этом случае мы обнаружим название нормы, диспозицию и санкцию. Предположим, что название описывает цель нашей системы, диспозиция – блок управления, санкция – блок исполнения. Так мы определяем в уголовно-правовой норме важнейшие элементы системы, составляющие ее основу [2].

Таким образом, можно сделать интересные выводы: блок управления находится в подчинении у цели, это значит, что толкование признаков диспозиции, квалификация должны быть сообразными названию нормы. Органы исполнения также соподчинены цели, но опосредовано через блок управления, т. е. санкция применяется, например, исключительно в соответствии со степенью и характером общественной опасности посягательства и посягавшего.

При этом следует учитывать один важнейший момент – название нормы (в нашем случае, мы предполагаем, что оно совпадает с названием статьи) описывает непосредственный объект состава преступления, диспозиция – все остальные признаки. Так, если вспомнить, что норма – это одна из подсистем другой более общей системы, то по аналогии классификации объектов на непосредственный, видовой, родовой и общий можно предположить, что непосредственный объект следует понимать исключительно в контексте видового, родового и общего объектов. Это диктуется тем, что цели подсистем всегда являются сообразными целям вышестоящих систем. Более того, цели нижестоящих систем ставятся (создаются) исключительно вышестоящими системами по мере того, как они в этом нуждаются.

Практически это означает, что понимание нормы, квалификация на ее основе должны осуществляться строго в контексте представлений о всех видах объектов по вертикали. В противном случае, мы рискуем допустить принципиальную ошибку как в понимании нормы, так и в квалификации преступления, а изначально и сама норма может быть сконструирована неверно и, соответственно, работать неэффективно (или не работать).

Чтобы представление о системе абстрактной уголовно-правовой нормы было законченным, необходимо описать информацию, которая поступает на ее вход и выход. Другими словами, следует определиться, с чем работает норма. В данном случае можно было бы представить норму как некий фильтр, через который проходит информация содержащая, в основном, описание признаков общественно-опасного деяния, посягающего на общественные отношения, так или иначе схожие с непосредственным объектом уголовно-правовой охраны. А на выходе из фильтра мы имеем информацию о соответствующем преступлении и наказании.

Эффективность системы оценивается по тому, как точно и мощно обеспечивается ею достижение цели [2], в нашем случае – охрана непосредственного объекта состава преступ-

ления (общественных отношений), причем в контексте вышестоящих целей: видового, родового и общего объектов. Если размышлять от противного, то неэффективность системы нормы может иметь место: в силу неточного описания самой цели; неточного (неправильного, нецелесообразного) описания признаков диспозиции (блока управления); несоответствия (нецелесообразности) санкции.

Кроме того, если так же размышлять от противного, то неэффективность системы нормы может иметь место при прочих равных обстоятельствах и в силу элементарного перегруза ее информационными потоками. Например, самый обычный перегруз потоком информации (чрезмерная распространенность явления, посягающего на объект уголовно-правовой охраны), или перегруз некачественным информационным потоком (фильтрация, так сказать, системой нормы схожих явлений, но которые не посягают на объект преступления – ложная квалификация). При этом некачественный информационный поток может состоять из общественно-опасных явлений, а может состоять и из явно не общественно-опасных явлений.

Чрезвычайно важное в практическом плане влияние на эффективность системы оказывает качество информационного потока на выходе из системы, то, насколько квалификация и санкция сообразны цели системы нормы. Здесь идет речь о фактическом, практическом применении нормы при квалификации конкретного преступления и назначении индивидуально-го наказания.

Нетрудно заметить, что уголовно-правовое представление о норме, в общем соответствует системным представлениям. Этому не приходится удивляться, поскольку любое относительно правильное представление носит системный характер. Интерес представляет другое: осознанно представляя норму или те же общественные отношения (объект уголовно-правовой охраны или фактические преступленные действия) как систему, мы смело можем руководствоваться правилами построения, функционирования и разрушения систем – построения норм уголовного права, разрушения преступлений и преступности вообще. Тем самым мы позволяем себе взять в руки совершенно новый инструмент познания, с помощью которого можно строить достаточно убедительные суждения в сфере уголовно-правовой материи.

Попытаемся построить и проанализировать простейшие системные модели норм Особенной части УК РФ на примере ст. 228 и 228.1 УК РФ, а также модели фактических преступных посягательств, предполагаемых настоящими статьями (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей норм и моделей преступлений

Элементы системы	ч. 1 ст. 228 УК РФ (норма)	ч. 1 ст. 228.1 УК РФ (норма)	ч. 1 ст. 228 УК РФ (преступление)	ч. 1 ст. 228.1 УК РФ (преступление)
Цель	Охрана законного оборота наркотиков	Охрана законного оборота наркотиков	Развлечение	Обогащение
Блок управления	Незаконный оборот наркотиков без цели сбыта (Приготовление к потреблению наркотиков)	Незаконный оборот наркотиков с целью сбыта	Немедицинское потребление наркотиков (незаконный оборот наркотиков без цели сбыта)	Сбыт наркотиков (незаконный оборот наркотиков с целью сбыта)
Блок исполнения	Лишение свободы до 3 лет	Лишение свободы от 4 до 8 лет		
Вход	Наркотики (спрос)	Наркотики (предложение)	Наркотики (спрос)	Наркотики (предложение)
Выход	Квалификация как незаконный оборот наркотиков и назначение наказания	Квалификация как незаконный оборот наркотиков и назначение наказания	Удовольствие	Деньги

Сравнительный анализ данных моделей указывает прежде всего на несоответствие целей систем-норм и целей систем-преступлений. Преступления не имеют цели посягнуть на

законный оборот наркотиков, преступления преследуют совершенно отвлеченные цели, абсолютно не связанные с посягательством на законный оборот наркотиков – развлечение и обогащение. Складывается интересная ситуация при использовании аналогии нормы: у деяния отсутствует признаки объекта состава преступления, но мы допускаем возможность квалификации. Такая аналогия, возможно, оправдана, поскольку развлечение и обогащение посредством наркотиков причиняет существенный вред здоровью населения, общественной безопасности и всей системе общественных отношений в целом, но формально недопустима. Более того, она не позволяет адекватно реагировать государству на общественно опасные посягательства конкретного лица и, соответственно, обеспечивать охрану общественных отношений. Образно говоря, мы наказываем преступника за то, чего у него и в мыслях не было.

Совершенно совпадают входы систем норм и преступлений и почти совпадают блоки управления с той лишь разницей, что уголовная ответственность не предусмотрена за потребление наркотиков, а только за приготовление к потреблению, притом что фактически данный вид преступления и есть потребление наркотиков.

Таким образом, во-первых, квалификация преступления осуществляется без учета направленности преступного посягательства, причинение вреда законному обороту наркотиков только предполагается как результат преступной деятельности. Выражаясь уголовно-правовым языком, общественные отношения по поводу законного оборота наркотиков в данной ситуации являются лишь дополнительным объектом. Основным непосредственным объектом, в контексте родового и видового, здесь должно быть медицинское потребление наркотиков. И, во-вторых, как это ни парадоксально, мы привлекаем к уголовной ответственности за приготовление к немедицинскому потреблению наркотиков, однако не существует уголовной ответственности за само немедицинское потребление. Приготовление к деянию общественно опаснее самого деяния?

Логика уголовно-правовой ситуации ошеломляет: с одной стороны – потребляй наркотики, приобретая их не в значительном размере; с другой – сбыт наркотиков запрещен законом в любом размере, но фактически осуществляется до наступления негативной уголовной ответственности, которая зависит от человеческого фактора – желания конкретного человека бороться с наркопреступностью, обеспечивать охрану здоровья населения. Это логика «управляемой катастрофы», наркотизации общества.

Практическая сторона сложившейся ситуации: правоохранительные органы, борясь с незаконным оборотом наркотиков, пытаются перекрыть входы (спрос и предложение) систем преступлений путем изъятия наркотиков из оборота, а также выход системы сбыта путем изъятия денег [5].

Исходя из приведенных посылок, позволим констатировать следующее: эффективность систем норм, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ, незначительна, поскольку данные системы применяют не по назначению, нецелесообразно. Это подтверждается официальной статистикой состояния наркопреступности – она относительно стабильна на фоне роста наркомании [4]. Более того, в практической ситуации, потребитель наркотиков, от которого прямо зависит спрос на наркотики (сбыт наркотиков), остается безнаказанным изначально.

Теперь давайте вспомним некоторые уже отмечавшиеся закономерности систем. Прежде всего, системообразующим элементом является цель системы [2]. Все другие элементы системы как бы притягиваются целью и организуются ей. Элементы системы, таким образом, существуют до тех пор, пока есть цель, ради которой они объединились. Другими словами, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков будут совершаться в том количестве, с какой интенсивностью осуществляется пропаганда неограниченных развлечений и сверхобогащения любыми средствами, формирующая спрос на наркотики как у «покупателей», так и у «продавцов». Пока система преступления не будет лишена цели, до тех пор будут совершаться подобные преступления, а борьба с входами и выходами (изъятие наркотиков и денег от наркобизнеса) будет иметь только сиюминутный эффект, а при особом рвении

правоохранительных органов будет формировать у населения мнение о полицейском государстве.

В подобной ситуации можно предположить, что действовать необходимо одновременно в двух направлениях: системно совершенствовать уголовную ответственность (уголовно-правовой аспект) и общественные отношения (криминологический, социальный аспекты) в целях разрушения установки на развлечение и обогащение посредством наркотиков.

Именно в рамках уголовно-правового аспекта, поскольку он является предметом настоящей работы, будем строить дальнейшие рассуждения.

Новые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, должны воздействовать, в первую очередь, на преступные цели, которые ставят перед собой правонарушители, и во вторую очередь, точнее – наряду с этим, уголовно-правовое воздействие должно оказываться и на другие элементы системы преступного поведения.

Прежде всего, нужно сменить цель системам норм, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ, так, чтобы они соответствовали, были адекватными целям преступных посягательств, которые причиняют вред видовому объекту «здоровье населения» и родовому – «общественная безопасность». Например, мы должны наказывать за посягательства не на законный оборот наркотиков, а за их немедицинское потребление; за обогащение посредством сбыта наркотиков и т. д.

Кто-то может скептически отнестись к настоящему предложению, но дело в том, что со сменой цели естественно должны поменяться и другие элементы системы. Подобная смена цели логически должна повлечь, например, уголовную ответственность за употребление наркотиков; введение новых видов наказания, допустим, полной конфискации имущества, возможно даже обязательной, за сбыт наркотиков и т. п. Изменяя цель, мы должны (или даже будем вынуждены) изменять и элементы системы сообразно новой цели. Сообразно новой цели и признаки состава преступления будут толковаться по-новому.

Чтобы уголовно-правовая борьба с незаконным оборотом наркотиков была эффективной, недостаточно только норму представить в виде системы. Требуется всю совокупность норм УК РФ в части незаконного оборота наркотиков сгруппировать системно. Но что это значит?

В уголовном праве принято выделять два типа абсолютно противоположных, но схожих внешне общественных отношений – это объект состава преступления и само преступление: первые находятся под охраной уголовного закона, вторые посягают на первые. Исходя из данных посылок, следует уголовно-правовыми средствами охранять общественные отношения первого типа и разрушать – второго типа. Но сначала нужно представить модели таких отношений.

Модель общественных отношений первого типа можно назвать «здоровье населения» по подобию видового объекта преступлений рассматриваемой категории. Непосредственно нормами уголовного права данный тип отношений не охраняется и не регулируется – это задачи других отраслей права, социальных институтов. Но осуществляется уголовно-правовая охрана опосредованно через разрушение общественных отношений второго типа.

Разрушающее воздействие уголовно-правовых норм будет эффективным только тогда, когда мы представим общественные отношения второго типа как систему и предусмотрим соответствующие нормы, которые будут последовательно разрушать цель данной системы, управление, органы исполнения, вход, выход и т. п.

Модель общественных отношений второго типа, объединяющих всю совокупность незаконного оборота наркотиков, можно назвать «уничтожение населения», поскольку утрата здоровья неминуемо влечет смерть человека, особенно если мы говорим о немедицинском потреблении наркотиков, и в конечном итоге вымирание населения страны. Модель можно представить следующим образом:

1. Формирование у населения мотива к сверхобогатению и сверхразвлечению.
2. Организация и поддержание условий для безопасного сбыта и потребления наркотиков как эффективного универсального средства сверхобогатения и сверхразвлечения.
3. Сбыт и потребление наркотиков.
4. Получение прибыли и удовольствий, соответственно.

Причем на входе у данной системы – здоровый человек, а на выходе – больной (наркоман) или мертвый.

Исходя из полученной системы «уничтожение населения», следует предложить (противопоставить ей) систему борьбы с так называемым незаконным оборотом наркотиков.

Основные направления уголовно-правового воздействия будут выглядеть следующим образом: категоричный отказ в обществе от стяжательства и развлечений как смысла жизни; изоляция информационных потоков, связанных с наркотиками; жесткая уголовная политика в сфере незаконного оборота наркотиков, обеспечивающая отказ в обществе от участия в незаконном обороте наркотиков, т. е. сбыте, потреблении наркотиков и процессах, обеспечивающих их. Предложенная совокупность направлений воздействия есть задачи-цели, которые должны сформировать уголовно-правовые нормы борьбы с незаконным оборотом наркотиков, а точнее – противостоять системе «уничтожение населения», разрушать ее цель и другие элементы. На входе такой системы будут сбыт, потребление и другие преступления, а на выходе – последствия в виде уголовной ответственности за данные преступления, влекущие общую и частную превенцию.

Нельзя сказать, что действующие нормы уголовного права в части незаконного оборота наркотиков совсем не отвечают поставленным задачам, но они недостаточно системны, не обеспечивают решение всех необходимых задач и, как следствие, неэффективны. Это один из законов общей теории систем: неэффективность – недостаточная системность [3].

Таким образом, делая промежуточный вывод, можно отметить, что на сегодняшний день недостаточно криминализированы (не предусмотрена уголовная ответственность) общественные отношения, способствующие спросу и предложению наркотиков; непосредственное потребление наркотиков; отношения, связанные с распоряжением прибылью от сбыта наркотиков.

Наряду с обозначенными направлениями совершенствования уголовной ответственности за наркопреступления безусловно следует отметить потребность в совершенствовании санкций за совершение рассматриваемой категории преступлений. Риски уголовной ответственности, наказания, в частности, должны довлеть над преступными устремлениями, исключать возможность пользоваться преступным результатом, отбивать всякое желание совершить подобное преступление.

Говоря языком общей теории систем, уголовная ответственность и санкции, в частности, должны исключать возможность достижения целей систем сбыта и потребления наркотиков, а не бороться с их входами и выходами. В противном случае, вся правоохранительная деятельность в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков будет напоминать и напоминает в настоящее время борьбу с гидрой – головы только множатся.

Учитывая все изложенное выше, можно попытаться сформулировать основные идеи-примеры по совершенствованию уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за наркопреступления (табл. 2). Обращаем внимание – именно идеи, а не сами нормы, поскольку при изложении текста закона можно использовать разные законодательные техники.

Необходимы некоторые комментарии к настоящей таблице. Во-первых, «участие в незаконном обороте наркотиков с целью сбыта» предполагает любые действия или бездействия, обусловленные целью передачи наркотика другому человеку, и неважно, приготовление это или покушение, изготовление или производство с пересылкой: преследовал данную цель конкретным деянием – совершил данное преступление.

Таблица 2

Идеи-примеры по совершенствованию уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за наркопреступления

Элементы системы	Описание идеи-нормы			
	Охрана общественных отношений от сбыта наркотиков	Охрана общественных отношений от немедицинского потребления наркотиков	Охрана общественных отношений от нарушений правил оборота наркотиков	Охрана общественных отношений от содействия незаконному обороту наркотиков
Цель	Участие в незаконном обороте наркотиков с целью сбыта	Участие в незаконном обороте наркотиков с целью немедицинского потребления	1. Нарушение правил оборота наркотиков лицом, обязанным их соблюдать, повлекшее по неосторожности утрату наркотика. 2. Иное участие в незаконном обороте наркотиков	1. Склонение к немедицинскому потреблению наркотиков. 2. Организация или содержание притона для немедицинского потребления наркотиков. 3. Незаконная выдача или подделка документов, дающих право на получение наркотиков
Блок управления				
Блок исполнения	Наказание, например: конфискация имущества, смертная казнь	Наказание, например: конфискация имущества, смертная казнь или лишение свободы и продлеваемое принудительное лечение в особых условиях изоляции от общества	Наказание	Наказание, например: конфискация имущества, смертная казнь
Вход	Наркотики (предложение)	Наркотики (спрос)	Наркотики	Благоприятные условия для незаконного оборота наркотиков
Выход	Квалификация как незаконный оборот наркотиков с целью сбыта и назначение наказания	Квалификация как незаконный оборот наркотиков с целью немедицинского потребления и назначение наказания	Квалификация как незаконный оборот наркотиков и назначение наказания	Квалификация как угроза (содействие) незаконному обороту наркотиков и назначение наказания

«Наркотик» здесь категория уголовно-правовая, обобщающая соответствующие подконтрольные вещества, это обозначение общих признаков данных веществ. Технически настоящую категорию можно определить разными способами: через примечание к статье УК РФ, отдельный закон РФ, через решения Правительства РФ и т. п.

Во-вторых, «участие в незаконном обороте наркотиков с целью немедицинского потребления» следует понимать аналогично «сбыту», но отличать деяния по направленности, цели – личное немедицинское потребление.

В-третьих, разграничение «нарушения правил оборота наркотиков лицом, обязанным их соблюдать, повлекшее по неосторожности утрату наркотика» и «иного участия в незаконном обороте наркотиков» следует производить, прежде всего, по субъекту, при «ином участии» он общий. «Иное участие» предполагает любое участие в незаконном обороте наркотиков, которое не может быть квалифицировано как «сбыт», «потребление» или «нарушение правил». Сюда можно отнести пропаганду наркотиков, распоряжение прибылью от наркобизнеса и тому подобные сопутствующие незаконному обороту действия: телефонная связь, интернет, банкинг, проведение массовых развлекательных мероприятий, аренда помещений.

В-четвертых, для примера используются весьма суровые наказания: конфискация имущества (подобного наказания действующий УК РФ не предусматривает), смертная казнь

(действует мораторий), но это скорее необходимость, чем нарушение принципа экономии уголовно-правовой репрессии. Можно предложить и какие-то другие виды наказаний, но смогут ли они способствовать разрушению преступных устремлений?

Мы не исключаем возможность альтернативных более мягких санкций, при условии обеспечения ими разрушения преступных устремлений, например, в отношении немедицинского потребления наркотиков (табл. 2).

Полагаем, что подобная систематизация норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение наркопреступлений, исключит и существующие проблемы квалификации деяний наркопреступников, поскольку максимально упрощается толкование признаков состава преступления.

Литература

1. Аверьянов А. Н. Системное познание мира. Методологические проблемы. М. : Политиздат, 1985. 263 с.
2. Гайдес М. А. Общая теория систем: системы и системный анализ. URL: <http://www.хаос.ru> (дата обращения: 05.03.2018).
3. Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Введение в системный анализ. М. : Высш. шк., 1989. 361 с.
4. Статистика и аналитика // МВД РФ : офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 05.03.2018).
5. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 (ред. от 28.09.2011) // Рос. газ. 2010. 15 июня. № 128.

УДК 343.23(47)

Ушакова Т. А.
Ushakova T. A.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РЕЦИДИВА
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
СТРАН ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ БЫВШЕГО СССР**

**SOME FEATURES OF LEGAL REGULATION OF RECIDIVISM
IN CRIMINAL LEGISLATION OF COUNTRIES IN EUROPEAN PART
OF FORMER USSR**

В статье рассмотрены некоторые особенности регламентации рецидива преступлений в уголовном законодательстве государств, входивших в состав СССР.

The article presents some features in the regulation procedure of repetition of crimes in the criminal legislation of the former USSR member states.

Ключевые слова: рецидив, уголовное право, страны постсоветского пространства.
Keywords: recidivism, criminal law, post-Soviet states.

Вопрос о детальном изучении зарубежного опыта в части правовой регламентации рецидива преступлений долгое время вообще не изучался в отечественном уголовном праве. Но со временем проблемам изучения рецидива преступлений в иностранном уголовном праве стало уделяться все большее внимание. Появились не только источники общего характера, в которых данная проблематика поднималась наряду с прочими уголовно-правовыми институтами, в ходе ставшего обязательным во всех вузах в постсоветские годы курса «Уголовное право зарубежных стран», но и стали возникать отдельные работы монографического характера. Предметом таких работ становились как проблемы множественности преступлений, так и собственно рецидива в конкретных государствах.

В их ряду можно отметить работы В. В. Лунеева, Я. И. Гилинского (криминологические исследования), монографическое исследование Т. Ю. Орешкиной, специально посвященное ответственности за рецидив преступлений по уголовному праву США, Г. С. Ахвердяна [1], Н. Е. Крыловой, коллектива под руководством А. И. Коробеева и более поздние работы И. Г. Возжанниковой [2], А. П. Гукасяна [3] и др.

При этом заявленный предмет исследования рассмотрен в перечисленных работах фрагментарно: одни авторы выделяли наиболее спорные аспекты уголовно-правовой регламентации рецидива в республиках, входивших ранее в состав СССР; другие подвергали анализу криминологические аспекты рецидива либо проводили оценку рецидива в отдельных республиках.

Вне всякого сомнения, наша работа не претендует на исчерпывающий характер или глубину, позволяющую констатировать полное исследование предмета, вместе с тем представляется, что результаты сравнительно-правовых изысканий могут быть интересны и полезны, учитывая, что институт рецидива зарождался в рамках одной правовой системы и сходных политических, правовых и социально-экономических условиях.

Состояние экономики и социально-политического устройства бывших республик СССР значительно различается, и за четвертьвековую историю после распада Союза возможно изменились кардинально, но общие истоки позволяют утверждать, что внимательное исследование уголовного права и достижений криминологии этих республик способно не только значительно обогатить знания о рецидиве как институте уголовного права, но и определить

возможные тенденции в развитии и направления совершенствования данного института как в России, так и в этих государствах.

Итак, учитывая общее «советское» происхождение, отметим, что институт рецидива известен законодательству 13 республик бывшего СССР. Всеми уголовными кодексами данных государств рецидив отнесен к множественности преступлений. Вместе с тем степень регламентации данного института в различных республиках иногда значительно отличается. Рассмотрим правовую регламентацию рецидива в странах Балтии.

Так, в **Уголовном кодексе (УК) Эстонии** [12] отсутствует как само понятие рецидива преступлений, так и использование сходных с ним понятий. В то же время п. 1 ст. 38 УК называет в числе обстоятельств, отягчающих ответственность, совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, по которому не истекли сроки привлечения к ответственности.

Эстонский законодатель предписывает при назначении наказания учитывать тяжесть и характер совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность, а в качестве квалифицирующего признака статей Особенной части УК Эстонии активно использует повторность совершения преступных деяний, не раскрывая содержание данного термина в тексте уголовного закона.

Чуть менее лаконичной регламентацией рецидива характеризуются УК Республики Украина и Уголовный закон Латвии.

Уголовный закон (УЗ) Латвии [8] содержит легальное определение отдельного (единого) преступления (ст. 23 УЗ) и множественности преступлений (ст. 24 УЗ), выделяя в последней повторность, совокупность и рецидив преступных деяний (учитывая деление последних на преступления и проступки).

Понятие рецидива как «совершения лицом нового преступного деяния после осуждения этого лица за ранее совершенное преступное деяние, если судимость за него не снята или не погашена» (ст. 27 УЗ), как видим, не содержит указания на форму вины в преступных деяниях, образующих рецидив, однако указание на судимость, сохраняющую для лица негативные правовые последствия, позволяет отграничить его от двух других форм множественности.

Латвийский законодатель наряду с повторностью также называет рецидив в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность (п. 1 ч. 1 ст. 48 УЗ), однако далее термин «рецидив» не упоминается.

Статья 118 УЗ Латвии, устанавливающая ответственность за убийство при отягчающих обстоятельствах, использует термины «совершенное лицом, ранее совершившим убийство, за исключением убийства, совершенного в состоянии сильного душевного волнения или при превышении пределов необходимой обороны или при нарушении условий задержания лица» и «совершенное лицом, отбывающим пожизненное заключение».

Факт предыдущего совершения однородного преступления выступает в качестве квалифицирующего признака еще в ряде составов (например, п. 6 ч. 2 ст. 125; п. 5 ч. 2 ст. 126; ч. 2 ст. 159; ч. 2 ст. 160; ч. 3 ст. 176; ч. 3 ст. 253 и ряд других статей УЗ Латвии).

Используемая во многих статьях Особенной части Уголовного закона повторность выступает не только как квалифицирующий признак составов преступлений, но и в качестве конститутивного признака ряда составов с административной преюдицией.

Так, в ч. 1 ст. 112 УЗ («Самовольная охота»), повторность выступает основанием уголовной ответственности за данное деяние, а например, в ч. 3 ст. 135 УЗ («Незаконное производство аборта») – в качестве квалифицирующего признака.

Таким образом, можно заметить, что имеющая легальное определение повторность преступлений зачастую подменяется латвийским законодателем на понятие, предполагающее иное содержание.

Представляется, что недостаток материально-правовой регламентации в украинском и латвийском законодательстве в части пределов назначения наказания за рецидив в вопросах

назначения вида исправительного учреждения, влияния его на судимость и иные правовые последствия призвана компенсировать судебная практика, которая, не будучи ограниченной правовыми нормами, содержит значительные коррупционные риски.

Уголовный кодекс Литовской Республики [9] содержит определение рецидива, в котором помимо указания на совершение лицом одного или более умышленных преступлений, содержится оговорка о том, что судимость такого лица не должна быть погашена или не снята в установленном законом порядке (ст. 27).

Более того, литовское уголовное право одно из немногих на постсоветском пространстве кроме рецидива сохранило понятие рецидивиста, и практически во всех статьях, посвященных его регламентации, указывает и на рецидивиста как специального субъекта.

Кодекс выделяет лишь два вида рецидива (соответственно, два вида рецидивистов): простой и опасный, а также содержит оговорку о запрете учета для признания рецидива не только преступлений, совершенных в возрасте до 18 лет и неосторожных деликтов, но и специально называет преступления, совершенные за границей, ответственность за которые уголовными законами Литовской Республики не предусматривается.

Учитывая наличие детальной регламентации в части действия уголовного закона во времени, пространстве и по кругу лиц (гл. II УК «Действие уголовного закона»), указанные оговорки выглядят как перегружающие его текст.

Кроме того, обращает внимание условный характер порядка признания лица рецидивистом – ч. 3 ст. 27 УК закрепляет право суда признать лицо *опасным рецидивистом*, учитывая личность обвиняемого, степень исполнения преступных намерений, характер его участия при совершении преступлений и другие обстоятельства дела. Из текста закона не совсем понятно, ставится ли в зависимость от судебного усмотрения факт признания рецидива.

Уголовный кодекс Литовской Республики предусматривает довольно простые правила назначения наказания рецидивистам, устанавливая, что им за умышленные преступления назначается лишение свободы, а опасному рецидивисту – более строгое, нежели среднее наказание в виде лишения свободы, предусмотренное санкцией (ст. 56 УК). При этом литовский законодатель вообще не упоминает рецидив в числе обстоятельств, отягчающих ответственность (ст. 60 УК).

Особо отметим невозможность освобождения рецидивиста и опасного рецидивиста от уголовной ответственности в связи с примирением виновника и потерпевшего лица (ст. 38 УК), а также нормы об условно-досрочном освобождении (ст. 77 УК), согласно которым такое освобождение для рецидивиста возможно по отбытии не менее 3/4 назначенного наказания и вообще не применяется в отношении опасных рецидивистов.

Интересным, на наш взгляд, является срок, в течение которого опасный рецидивист признается судимым – 10 лет. Этот срок на 2 года больше, нежели срок, установленный для лиц, осужденных за особо тяжкое преступление (п. «д» ч. 3 ст. 97 УК).

Уголовный кодекс Украины [11] выделяет рецидив, повторность и совокупность как формы множественности, закрепляет понятие рецидива как «совершения нового умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление» (ст. 34 УК), не допуская уточнений (к примеру, об исключении из их числа преступлений, совершенных в возрасте до 18 лет и т. д.), не выделяя виды рецидива и другие особенности данного института. При этом рецидив законодательно признается обстоятельством, отягчающим наказание (п. 1 ст. 67 УК) и подлежащим учету при квалификации преступлений, а также решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности (ст. 35 УК). Из анализа норм УК Украины не представляется возможным определить каким образом достигаются эти цели.

Нормы Особенной части УК вообще не содержат упоминания о рецидиве как квалифицирующем признаке тех или иных составов преступлений, однако п. 13 ч. 2 ст. 115 УК («Умышленное убийство») предусматривает такой признак, как «совершенное лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст. 116–118 настоя-

щего Кодекса», и более чем в 85 случаях предусматривает в качестве квалифицирующего признака повторность совершения преступления.

Уголовный кодекс Грузии [7] характеризуется несколько более детальной регламентацией и, в отличие от ранее рассмотренных источников, содержит нормы, посвященные правилам определения вида исправительного учреждения и назначения наказания при рецидиве. Понятие рецидива сходно с его понятием в УК Украины. Легально выделены три традиционных для постсоветского уголовного законодательства вида рецидива (за исключением уже упомянутых государств и УК Литвы), а также закреплены понятия единого преступления и множественности преступлений, к которым также отнесены неоднократность и совокупность.

Опасным рецидивом признается:

- совершение лицом умышленного преступления, за которое оно осуждается к лишению свободы, если ранее это лицо не менее двух раз было осуждено к лишению свободы за умышленное преступление;
- совершение лицом умышленного тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за умышленное тяжкое преступление (ч. 2 ст. 17 УК).

Рецидив преступлений признается особо опасным:

- при совершении лицом умышленного преступления, за которое оно осуждается к лишению свободы, если ранее это лицо три или более раз было осуждено к лишению свободы за умышленное менее тяжкое преступление или умышленное тяжкое преступление;
- при совершении лицом умышленного тяжкого преступления, если ранее оно не менее двух раз было осуждено за умышленное тяжкое преступление или было осуждено за особо тяжкое преступление;
- при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за умышленное тяжкое или особо тяжкое преступление (ч. 3 ст. 17 УК).

Вместе с тем, если в большинстве кодексов рассматриваемых государств содержится оговорка о безусловном ужесточении наказания за рецидив, то в УК Грузии закреплено возможное назначение более строгого наказания в результате рецидива (ч. 5 ст. 17 УК).

Рецидив и опасный рецидив преступлений влекут отбывание наказания в учреждениях строгого режима, а лица, допустившие особо опасный рецидив, отбывают наказание в тюрьме (ст. 52 УК).

Влияние рецидива на назначение наказания традиционно не только для большинства постсоюзных республик, но и для УК РФ в редакции до известных изменений 2003 года – простой рецидив влечет назначение наказания не менее половины, опасный – не менее 2/3, а особо опасный – 3/4 максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Грузии.

Следующая условно выделенная нами группа уголовных кодексов республик бывшего СССР характеризуется более детальной законодательной регламентацией института рецидива.

Определение рецидива в **Уголовном кодексе Республики Армения** [5] (ст. 22 УК) не отличается от УК Грузии и Украины, однако согласно ч. 2 ст. 17 УК Армении рецидив преступлений наряду с другими правовыми последствиями приговора суда иностранного государства учитывается при квалификации нового преступления, назначении наказания, освобождении от уголовной ответственности или наказания.

Как и большинство законодателей бывших «союзных республик», законодатель Армении выделяет 3 вида рецидива – простой, опасный и особо опасный. Критериями классификации видов рецидива служат: форма вины; факт ранее имевшего место осуждения; категория ранее совершенного преступления, а также количество судимостей.

Кроме того, в п. 2 ч. 3 ст. 22 УК применительно к особо опасному рецидиву, по-видимому, допущена редакционная ошибка – отсутствует конкретизация вида наказания, к которому должно дважды осуждаться лицо.

Наряду с рецидивом в УК выделены такие формы множественности, как совокупность преступлений (ст. 20 УК) и повторность преступлений (ст. 21 УК).

В общей норме (ст. 22 УК) не содержится оговорки о влиянии рецидива на назначение наказания, однако далее в п. 1 ст. 63 УК рецидив наряду с совершением преступления в виде промысла отнесен к обстоятельствам,отягчающим ответственность и наказание. В то же время, заметим, что УК не относит совершение преступления в виде промысла к числу форм либо видов множественности, не содержит легального определения такового, а также более нигде по тексту не использует соответствующую формулировку.

Согласно правилу, закрепленному в ч. 4 ст. 63 УК, суд не лишен возможности ужесточать ответственность (наказание) при совершении преступления в виде промысла, поскольку оно содержит лишь запрет о двойном учете таких обстоятельств.

Каким образом данный момент решается в доктрине уголовного права Армении либо судебной практике, неизвестно. Возможно, что он может быть отнесен к числу редакционных промахов законодателя.

Какие-либо специальные правила назначения наказания при рецидиве преступлений в УК Армении не содержатся.

В **Уголовном кодексе Республики Азербайджан** [4] понятие и классификация рецидива во многом совпадают с УК Армении. Однако в сравнении с ранее рассмотренными источниками, УК Республики Азербайджан в ст. 56, посвященной назначению осужденным вида исправительного учреждения, закреплено, что в случае рецидива (у женщин – особо опасного рецидива) осужденные отбывают наказание в уголовно-исполнительных учреждениях строгого режима; а в случае особо опасного рецидива – в учреждениях особого режима, либо в тюрьме (часть назначенного срока).

Кроме того, УК содержит правила назначения наказания при рецидиве преступлений (ст. 65), при этом Кодекс предлагает учитывать число (не подлежит учету согласно правил УК РФ), характер, тяжесть и последствия ранее совершенных преступлений. Предельные сроки назначенного наказания при всех видах рецидива аналогичны таковым из описанных в УК Грузии.

Уголовное законодательство Республики Беларусь представлено Уголовным кодексом республики [6]. В нем существует гл. 7 «Множественность преступлений», объединяющая номы, посвященные повторности (ст. 41), совокупности (ст. 42) и рецидиву преступлений (ст. 43). Определение рецидива сходно с формулировкой в УК Армении, как и выделяемые законодателем виды.

Довольно детально регламентировано отбывание наказания в виде лишения свободы (ст. 57 УК), при этом при простом пенитенциарном рецидиве мужчинами предписывается назначать отбывание наказания в исправительных колониях в условиях строгого режима; при опасном – особого (п. 4, 5 ч. 4 ст. 57 УК). Женщинам предписывается назначать отбывание наказания в колониях в условиях строгого режима при особо опасном рецидиве (п. 3 ч. 5 ст. 57 УК РБ). Кроме того, при особо опасном рецидиве часть срока наказания (не более 5 лет) может быть назначена в виде заключения в тюрьму.

Максимально назначаемые за рецидив сроки (ст. 65 УК) сходны с пределами, установленными УК Грузии, как и оговорка о неприменении этих правил в случае наличия исключительных обстоятельств, предусмотренных ст. 70 УК. Однако перечень таких обстоятельств в статье не приводится, а лишь указываются критерии, которые могут быть положены в основу признания их исключительными: личность виновного и обстоятельства, связанные с целями, мотивами, ролью лица и его поведением во время или после совершения преступления, которые существенно уменьшают степень общественной опасности деяния.

За лицом, допустившим пенитенциарный и особо опасный рецидив преступлений, может устанавливаться превентивный надзор (ст. 80 УК), который относится к одному из уникальных институтов УК Беларуси. Он состоит в надзоре за поведением отдельных лиц с це-

лью предупреждения преступлений и оказания на них необходимого воздействия. Такой надзор за другими лицами, названными в норме, устанавливается до снятия судимости, в то время как в отношении рецидивистов он устанавливается на срок от 6 месяцев до 2 лет, а также может быть продлен судом в пределах срока судимости в случае несоблюдения установленных требований.

Часть 3 ст. 97 УК подчеркивает, что судимость лица, допустившего особо опасный рецидив, не погашается, однако в соответствии с ч. 2 ст. 98 УК может быть снята судом по истечении пяти лет, если судом будет установлено, что это лицо ведет законопослушный образ жизни и нет необходимости считать его имеющим судимость.

Любопытным и вполне обоснованным, на наш взгляд, является включение особо опасного рецидива в число квалифицирующих признаков таких преступлений, как дезорганизация работы исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома (ст. 410 УК), и злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы (ст. 411 УК).

Полагаем, что такой опыт после надлежащего изучения и оценки может быть воспринят отечественным законодателем как одно из средств борьбы с рецидивной преступностью.

В **Уголовном кодексе Республики Молдова** [10], не только выделяются два вида множественности: совокупность и рецидив (ст. 33 и ст. 34 соответственно), но и содержатся понятия единичного преступления и собственно множественности (ст. 28 и 32), а также называются виды единичных преступлений (ст. 29 и ст. 30).

Понятие и виды рецидива сходны с УК Казахстана. В ч. 4 ст. 34 УК Молдовы содержится оговорка о возможности признания судом Молдовы для целей рецидива вступивших в законную силу обвинительных решений, вынесенных за рубежом.

Излишней представляется перегрузка статьи о рецидиве оговорками относительно непризнания при установлении рецидива преступлений, совершенных по неосторожности, деяний, которые не рассматриваются УК как преступления, а также преступлений, судимости за которые погашены или сняты (подп. «b», «с», «d» ч. 5 ст. 34 УК).

Лишение свободы по УК отбывается в пенитенциарных учреждениях открытого, полукрытого и закрытого типов. Для лиц, совершивших преступления, составляющие рецидив, лишение свободы отбывается в учреждениях закрытого типа (ст. 72 УК) наряду с лицами, осужденными к лишению свободы за особо тяжкие и чрезвычайно тяжкие преступления (в УК выделяют пять категорий преступлений).

Рецидив преступлений отнесен к обстоятельствам, отягчающим ответственность, как и совершение преступления в виде промысла и совершение преступления лицом, ранее совершившим преступление (п. «а» ч. 1 ст. 77 УК).

При этом промысел не отнесен ни к единичному преступлению, ни ко множественности и не определяется где-либо в статьях Общей либо Особенной части, вместе с тем называется как квалифицирующий признак одного из преступлений (п. «b» ч. 2 ст. 199 УК «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем»), самого по себе, как правило, подразумевающего регулярное совершение таких действий в целях собственного обогащения.

Третье же отягчающее обстоятельство, на наш взгляд, вообще не стоило ставить в один ряд с двумя другими, поскольку оно приравнивает возможное совершение неосторожных преступлений к рецидиву или многократному совершению умышленных преступлений.

Кодекс содержит оригинальную норму о правилах назначения для лиц, не достигших 18 лет при рецидиве преступлений, более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ч. 4 ст. 79 УК), согласно которой суд вправе назначить им наказание ниже низшего предела, но не менее $\frac{1}{2}$ минимального наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Кроме того, в случае совершения лицами чрезвычайно тяжких преступлений и при рецидиве возможность назначения более мягкого наказания полностью исключается (ч. 5 ст. 79 УК).

Интересны также правила назначения наказания за неоконченное преступление, согласно которым ограничиваются размеры наказания за неоконченное преступление при условии, что приготовление к преступлению и покушение на преступления не являются рецидивом. В противном случае снижение наказания на 50 % и 75 % соответственно не применяется (ч. 2 и 3 ст. 81 УК).

Предельные минимальные размеры наказания за простой, опасный и особо опасный рецидив (ст. 82 УК) аналогичны таковым в УК Грузии. Установлен также запрет применения условного осуждения за рецидив преступлений (ч. 4 ст. 90 УК).

Большинство уголовных кодексов постсоветских республик содержит оговорку, что при оценке рецидива не учитываются судимости за преступления, совершенные лицом до достижения 18-летнего возраста. Логичное исключение составляют источники уголовного права республик Украина и Латвия, где рецидив преступлений не получил законодательной регламентации.

Таким образом, несмотря на разницу в подходах правовой регламентации ответственности за рецидивные преступления, все государства – бывшие республики СССР, сохранили рассматриваемый правовой институт, что, в свою очередь, подтверждает необходимость его существования в уголовном законодательстве и, самое главное, говорит о необходимости дифференцированного подхода к определению степени общественной опасности содеянного и назначения наказания лицам, виновным в совершении рецидивных преступлений.

Литература

1. Ахвердян Г. С. Паразитизм и преступность (по материалам Армянской ССР) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978.
2. Возжанникова И. Г. Рецидив как вид множественности преступлений / отв. ред. А. И. Чучаев. М. : Контракт, 2014. 112 с.
3. Гукасян А. П. Криминологическая характеристика и предупреждение специального рецидива преступлений в Республике Армения : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.
4. Уголовный кодекс Республики Азербайджан. URL: <http://www.crimpravo.ru/> (дата обращения 10.04.2018).
5. Уголовный кодекс Республики Армения. URL: <http://www.crimpravo.ru/> (дата обращения 10.04.2018).
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <http://www.crimpravo.ru/> (дата обращения 10.04.2018).
7. Уголовный кодекс Республики Грузия. URL: <http://www.crimpravo.ru/> (дата обращения 10.04.2018).
8. Уголовный закон Латвии. URL: <http://www.crimpravo.ru/> (дата обращения 10.04.2018).
9. Уголовный кодекс Литовской Республики. URL: <http://www.crimpravo.ru/> (дата обращения 10.04.2018).
10. Уголовный кодекс Республики Молдова. URL: <http://www.crimpravo.ru/> (дата обращения 10.04.2018).
11. Уголовный кодекс Украины. URL: <http://www.crimpravo.ru/> (дата обращения 10.04.2018).
12. Уголовный кодекс Эстонии. URL: <http://www.crimpravo.ru/> (дата обращения 10.04.2018).

УДК 34(470)

Шабуров А. С.
Shaburov A. S.

**«РАЗВИТИЕ» И «СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ**

**“DEVELOPMENT” AND “IMPROVEMENT” OF LEGISLATION:
RELATIONS BETWEEN CONCEPTS**

В работе проведен сравнительный анализ категорий «развитие» и «совершенствование» применительно к российскому законодательству, раскрыта их сущность и содержание. Проанализировано состояние современного российского законодательства, определены пути и способы его улучшения.

The paper compares the concepts of “development” and “improvement” in respect of the Russian Legislation, reveals their essence and content. The state of the modern Russian Legislation is analyzed, ways and means of its improvement are determined.

Ключевые слова: право, законодательство, развитие, совершенствование, юридическая техника, закон, нормативный акт, законность, правотворчество, применение права, реализация права.

Keywords: law, legislation, development, improvement, legal writing, law, normative act, lawfulness, law-making, enforcement of law, realization of law.

Кардинальные социально-экономические, идеологические и политические преобразования, происходящие в России, потребовали принципиального изменения действующего законодательства. За последние годы законодательство России в значительной мере обновилось, увеличилось в объеме. К сожалению, количественный рост законодательства не привел к повышению эффективности правового регулирования. Одной из причин этого является недостаточно высокое качество обновленного законодательства. Это проявляется в юридико-техническом несовершенстве многих актов, несоблюдении правил законодательной техники, неполноте законодательного регулирования, пробелах в регламентации, нарушении требований процессуального характера и др. Поэтому перед юридической наукой и законодательной практикой в современных условиях на первое место встает задача не увеличения количества нормативных актов, а улучшение, повышение их качества и эффективности.

Исследователи при рассмотрении процесса и характера изменения законодательства определяют его терминологически либо как «совершенствование», либо как «развитие», отождествляя эти категории и по форме, и по содержанию.

В действительности же и содержание, и сущность указанных видов правовой деятельности различны. При анализе изменений в законодательстве их следует трактовать не как обновления, а как совершенствование, под которым понимается процесс, направленный на постепенное улучшение состояния явления.

В литературе подчеркивалось, что теория совершенствования законодательства состоит в том, что она аккумулирует в себе все наиболее важные знания о праве, все многочисленные правовые теории. Подчеркивая значимость категории совершенствования законодательства, С. Г. Дробязко характеризует ее не как концепцию, теорию, а именно как учение. Теория совершенствования законодательства, по мнению автора, – «это основанный на сущностном понимании права относительно замкнутый круг знаний о тенденциях законодательства в русле закономерностей функционирования права как универсальной (интегративной) систе-

мы, регулирующей наиболее важные подконтрольные обществу и государству отношения в конкретно складывающихся условиях по пути социального прогресса» [9, с. 325].

К сожалению, до сих пор в отечественном правоведении наука совершенствования права развивалась недостаточно, о чем свидетельствуют и отмеченные исследователями недостатки действующего законодательства. Сегодня перед законодателем и наукой стоит задача разработки научной концепции законодательной деятельности, включающей весь комплекс юридических, социальных и политических проблем. Должна быть создана научная теория совершенствования законодательства и разработана практика ее применения. Она должна включать в себя как оценку действующего законодательства, выявление его проблем и противоречий, так и определение направлений и средств его совершенствования.

В юридической науке достаточно подробно исследованы вопросы понятия права, правового регулирования в целом, соответствующей юридической деятельности и различных ее видов, проблемы законности и правопорядка. Однако сегодня встает задача юридико-теоретического анализа права, правового регулирования в целом с позиций объединения различной юридической деятельности (правотворчества, правоприменения, правореализации), а также правопонимания в едином научном комплексе, что предполагает научный анализ явления в рамках категории «совершенствования законодательства».

Вопросы совершенствования права, законодательства как раз и связаны с постоянным поддержанием соответствующего качества законодательства, с эффективным использованием юридико-технических средств и приемов, соответствующих принципов и правил законодательства, обеспечивающих его качество и уровень эффективности.

В литературе подчеркивалось, что «необходимыми условиями эффективного законодательства, гарантирующего действенность правового регулирования, является совершенствование процесса принятия законов, обеспечение наиболее полного соответствия законодательных решений назревшим потребностям развития российского общества» [12, с. 55]. Одним из путей повышения качества нормативных актов, условий их совершенствования является четкая процедура их принятия, к сожалению, отсутствующая даже для принятия федеральных законов. Сегодня стоит задача конкретного и полного закрепления законодательной процедуры на всех стадиях, что предполагает наличие разработанной программы проведения законодательных работ, их планирования и требует не только совершенствования законодательной практики, но развития ее научных основ. Однако полноценная программа по совершенствованию всего действующего законодательства России не разработана, ведутся лишь работы по совершенствованию различных его отраслей [6].

С других позиций следует рассматривать проблемы изменения законодательства, связанные с его постоянным развитием. Под развитием в науке понимается необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов, их универсальных свойств. В результате развития возникает новое качественное состояние объекта, его состава или структуры [16, с. 537]. То есть в отличие от «совершенствования» «развитие» законодательства предполагает не количественные, а качественные изменения. Применительно к праву речь идет не о только (и не столько) о развитии формы, качества правовых актов, а о качестве самого права, его содержания, характере правового регулирования на соответствующем этапе развития государства и общества в целом. Признание прав человека, возрастание роли частного права в регулировании имущественных отношений повлекли за собой децентрализацию правового регулирования, повышение роли договоров, различных форм преодоления пробелов и противоречий и т. д. Появилась необходимость в четком нормативном закреплении всех субъектов правотворческой деятельности, их взаимоотношений в процессе правотворчества. Развитие законодательства потребовало четкого определения предмета правового регулирования, его сферы, а также порядка использования различных методов, способов, средств и режимов регулирования.

Естественно, что изменения в законодательстве могут дать не только положительный, но и негативный эффект. Несвоевременные, не отражающие характер общественных отно-

шений правовые предписания, могут привести к их усложнению, появлению негативных явлений, снижению темпов общественного развития. Такие акты порождают противоречия, пробелы, не обеспечивают достижения целей законодателя, снижают темпы и эффективность правового регулирования. Следовательно, когда говорят о развитии законодательства, речь идет о его сущностной, содержательной составляющей, его актуальности и эффективности в определенных исторических условиях. Развитие законодательства более всего связано с характеристикой правовой системы в целом, спецификой правового регулирования и его механизме. Этим оно отличается от содержания совершенствования законодательства, предполагающего улучшение его юридико-технической стороны, процессуальных особенностей, различных видов юридической деятельности.

В отечественном правоведении проблемам развития законодательства уделено значительно больше внимания, нежели вопросам его совершенствования. Значительный вклад в исследование проблем развития законодательства внес Ю. А. Тихомиров [14]. Сотрудники Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации разрабатывают и систематически публикуют концепции развития российского законодательства. Этой важной проблеме посвящаются научные конференции, по материалам которых публикуют научные сборники и монографии [1]. Однако многие вопросы научно-методического и практического характера не проработаны до сих пор. Как показывает практика, проблемы совершенствования и развития законодательства можно решать, связав их с проблемами планирования, прогнозирования, интеграции, консолидации правовых актов. Сегодня перед законодателем стоит задача разработки концепции законодательной деятельности, включающей весь комплекс юридических, социальных и политических проблем. Для этого необходимо формирование национальной теории совершенствования законодательства, включающей как оценку действующего законодательства, выявление его проблем и противоречий, так и определение направлений его совершенствования.

Ю. А. Тихомиров еще в 2004 г. обратил внимание на необходимость разработки государственной программы законодательных работ [7, с. 27], 07.10.2009 Советом по кодификации гражданского законодательства была одобрена Концепция развития гражданского законодательства. К сожалению, дальнейшая работа в этом направлении не получила развития.

Центральным звеном в развитии различных социальных систем является планирование как деятельность, связанная с постановкой целей, задач и будущих действий. Поскольку правовое регулирование, в частности, правотворчество как его важнейшая форма является важнейшей сферой государственно-властной деятельности, его развитие возможно только в условиях научно обоснованного прогнозирования с анализом возможных последствий принимаемых актов. Еще в середине 70-х годов правоведы писали, что «планировать законодательный процесс не только можно, но и необходимо, ибо без этого невозможна содержательная, качественная работа в области принятия законов» [8, с. 42]. Естественно, что подобная деятельность требует определения и нормативно-правового закрепления разработанной правовой политики, которая, к сожалению, в России отсутствует (подобная концепция разработана, например, в Республике Казахстан [5]).

Для достижения целей, определяемых правовой политикой, важное значение имеет общий план подготовки проектов нормативных актов. Встает вопрос о юридическом характере плана, его юридической силе. В литературе было высказано предположение, что акт подготовки проектов нормативных актов должен быть документом, не имеющим юридической силы [4, с. 71]. На наш взгляд, подобный вывод является ошибочным, ибо он не в полной мере отражает роль права, правового регулирования и правотворчества в развитии общественных отношений, поскольку если речь идет о реализации определяемых правом основополагающих направлений развития страны, то они должны получить законодательную регламентацию. Неслучайно, необходимость планирования законодательной деятельности не только подчеркнута юридической наукой, подтверждена практикой, но и получила нормативное за-

крепление в правовых системах некоторых государств, например, в Белоруссии указанная деятельность осуществляется в рамках Комиссии совершенствования законодательства Республики Беларусь, созданной и одобренной Указом Президента Республики от 10 апреля 2002 г. № 205.

Одна из идей, положенных в основу концепции развития российского законодательства и его совершенствования заключается в том, чтобы связать воедино процесс правопонимания, правотворчества, правореализации и правоприменения. Решение этой задачи могло бы быть осуществлено путем принятия комплексных актов, закрепляющих основные вопросы права и правового регулирования, методики и направлений развития законодательства. В частности, это можно было бы осуществить в рамках единого комплексного закона о нормативных актах. В литературе уже был поставлен вопрос о необходимости принятия сводного акта, своего рода «закона о законах» [2, с. 391–392].

Опыт правотворческой деятельности, развитие ее научных основ подтверждают острую необходимость и возможность принятия специального закона о нормативных актах. К сожалению, несмотря на научное обоснование необходимости принятия такого закона, в Российской Федерации он не принят до сих пор. Достаточно вспомнить, что проект такого федерального закона был разработан и внесен в Государственную Думу и 11.11.1996 принят в первом чтении, причем гл. III (ст. 16–20) была специально посвящена планированию нормотворческой деятельности. Однако дальнейшая работа над проектом не проводилась, а 12 апреля 2004 г. Постановлением Государственной Думы он был вообще отклонен [10].

Несмотря на его необходимость, имеющиеся научные разработки в этом направлении и наличие инициативных проектов [3], вопрос о работе над подобным актом остается открытым. Поэтому и работа по развитию российского законодательства, его совершенствованию осуществляется неорганизованно, стихийно, порождая пробелы и противоречия.

Отдельными субъектами Российской Федерации подобные законы были приняты и показали свою эффективность. В частности, в Свердловской области еще в 1999 г. был принят и успешно действует областной закон «О правовых актах в Свердловской области» [11].

Таким образом, четкое разграничение категорий «развитие законодательства» и «совершенствование законодательства», определение их содержания, принципов, реализация в практической деятельности и правотворческой практике позволяет наметить и развить основные направления законодательной деятельности, определить ее необходимые формы, усовершенствовать законодательную практику, что обеспечит повышение качества и эффективность действующего законодательства.

Литература

1. Законодательство России в XXI веке : материалы науч.-практич. конф. 17 октября 2000 г. М. : Городец, 2002.
2. Законотворчество в Российской Федерации : науч.-практич. и учеб. пособие / под ред. А. С. Пиголкина. М. : Формула права, 2000. 608 с.
3. Казьмин И. Ф., Пиголкин А. С., Рахманина Т. Н. Инициативный проект закона «О нормативно-правовых актах Российской Федерации» // Государство и право. 1992. № 7. С. 76–86.
4. Ковачев Д. А. Механизм правотворчества социалистического государства: вопросы теории. М. : Юрид. лит., 1977.
5. Концепция правовой политики Республики Казахстан 2010–2020 гг. Астана, 2009. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/>.
6. Концепция развития гражданского законодательства РФ. М. : Статут, 2009. 160 с.
7. Концепции развития российского законодательства. М. : Городец, 2004.
8. Кором М. Актуальные вопросы законодательства в ВНР // Сов. государство и право. 1978. № 2.

9. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович и др. ; под ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина ; БГУ. Минск : Четыре четверти, 2014. 416 с.
10. О нормативных правовых актах Российской Федерации : проект федер. закона № 96700088-2 // НТЦ Система. URL: <http://www1.systema.ru/>.
11. О правовых актах в Свердловской области : закон Свердл. области от 10 марта 1999 г. № 4-ОЗ // Обл. газ. 2017. № 67.
12. Пиголкин А. С., Абрамова А. И., Рахманина Т. Н., Студеникина М. С., Чернобель Г. Т., Юртаева Е. А. Современные тенденции законодательного творчества // Концепции развития рос. законодательства. М. : Городец, 2004. С. 54–76.
13. Рафалюк Е. Е. Концепция законопроекта «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журн. рос. права. 2012. № 8. С. 121–125.
14. Тихомиров Ю. А. Общая концепция развития российского законодательства // Концепции развития рос. законодательства. М. : Городец, 2004. С. 9–54.
15. Тихомиров Ю. А., Хабриева Т. Я. Концепции развития российского законодательства. М. : ИЗиСП, 2014. 128 с.
16. Философ. энцикл. слов. 2-е изд. М. : Сов. энцикл., 1989. 840 с.

УДК 343.237

Шеслер А. В., Шеслер С. С.
Shesler A. V., Shesler S. S.

СОВМЕСТИНОСТЬ СОВЕРШАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРИЗНАК СОУЧАСТИЯ

CONSISTENCY IN CRIME AS A SIGN OF COMPLICITY

В статье рассматривается содержание совместности совершаемого преступления как признака совершаемого преступления в соучастии. Указывается, что совместность совершаемого двумя и более лицами одного и того же преступления имеет объективную и субъективную стороны. Обосновывается, что совместность преступления соучастников с объективной стороны означает общими усилиями соучастников и включает в себя общность деяния соучастников, единый для всех соучастников преступный результат и причинную связь между ними. Совместностью умысла соучастников характеризует совместности соучастия с субъективной стороной.

The article describes elements of consistency in the crime as a characteristic of crimes committed in complicity. It is pointed out that the consistency of one and the same crime committed by two or more persons has objective and subjective aspects. It is substantiated that the consistency in the crime from the objective aspect means common efforts of the accomplices. This includes the commonality act of the accomplices, the single criminal result for all accomplices and the causal link between them. The consistency intent of the accomplices characterizes the consistency of the complicity within the subjective aspect.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, совместность преступления, общность деяния соучастников, причинение единого преступного результата, совместность умысла соучастников.

Keywords: complicity in a crime, consistency in a crime, commonality act of accomplices, causing a single criminal result, consistency intent of accomplices.

Анализ ст. 32 УК РФ позволяет выделить такие признаки соучастия, как множественность субъектов преступления и совместность совершаемого ими преступления. Они отличают соучастие от других случаев множественности участников преступления и стечения нескольких лиц в одном преступлении [6, с. 7–8, 14–22, 59–89].

Множественность субъектов преступления означает фактическую включенность в совершение одного и того же преступления двух и более участников, а также наличие у каждого из соучастников признаков субъекта преступления (возраста уголовной ответственности и вменяемости).

Совместность совершаемого двумя и более лицами одного и того же преступления имеет объективную и субъективную стороны. Совместность преступления с объективной стороны означает причинение единого преступного результата общими усилиями соучастников и включает в себя общность деяния соучастников, единый для всех соучастников преступный результат и причинную связь между ними.

В литературе высказано мнение, что не следует смешивать признак совместности действий с признаками причинности (причинной связью и результатом) [13, с. 32; 30, с. 134]. Представляется, что это не так. В данном случае характеризуется не столько само деяние, сколько его совместность, которая проявляет себя в процессе развития всей объективной стороны преступления. Если на каком-то этапе ее развития теряется свойство совместности,

деяние перестает быть совершенным в соучастии, например, при качественном эксцессе исполнителя, когда наряду с совместным преступлением совершается другое. Так, Воробьев, не согласовав свои действия с Савиным, во время совместного разбойного нападения с целью убийства Г. нанес ей 11 ножевых ударов в различные части тела. Суд вменил покушение на убийство Г. только Воробьеву, посчитав его действия эксцессом исполнителя [9].

Общность деяния соучастников преступления означает взаимную обусловленность действий (бездействий) каждого из них. Эта общность достигается через разделение функций и соединение усилий соучастников в процессе совершения преступления. Разделение функций может осуществляться либо в виде простого распределения аналогичных усилий соучастников, либо в виде различных по характеру действий, обуславливающих действия других соучастников. Первая ситуация характерна для группового посягательства, когда каждый из соучастников полностью выполняет деяние, входящее в объективную сторону конкретного состава преступления. Действия соучастников получают одинаковую уголовно-правовую оценку. Вторая ситуация характерна для соучастия с юридическим разделением ролей, когда действия соучастников преступления получают различную уголовно-правовую оценку в соответствии со ст. 33 УК РФ. При групповом посягательстве также возможно совершение фактически различных действий. Однако они получают одинаковую уголовно-правовую оценку, так как само преступное деяние может слагаться из нескольких действий. В частности, в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» отмечается, что изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, совершенными группой лиц, должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственное половое сношение или насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам [24].

Соединение усилий может происходить одновременно с совершением действий всех соучастников, что характерно для группового преступления, может происходить последовательно, когда один соучастник использует результаты уже совершенных действий другого соучастника. Последнее характерно для соучастия с юридическим разделением ролей. Однако такое соединение усилий возможно и при групповом преступлении. Например, участники преступной группы, занимающейся незаконным оборотом наркотиков, последовательно совершают указанные в ст. 228-1 УК РФ действия в отношении одного и того же предмета преступления [18, с. 242–252].

Единство преступного результата при соучастии вытекает из взаимной обусловленности деяний соучастников, направленных к достижению единой цели. Причем общее деяние соучастников должно содержать в себе реальную возможность наступления преступного результата на всем протяжении выполнения объективной стороны преступления. Это не исключает необходимость установления вклада каждого из соучастников в совместную преступную деятельность, что лежит в основе дифференциации и индивидуализации их ответственности.

Следует поддержать позицию тех исследователей, которые утверждают, что признаком состава преступления должна быть необходимая причинная связь [35, с. 97]. Однако при этом не следует отождествлять необходимость (закономерность) наступления преступных последствий с неизбежностью их наступления. Такая позиция неправильно ориентировала бы следственную и судебную практику на обоснование уголовной ответственности только за те деяния, которые, безусловно, влекут вред, например, смерть потерпевшего при убийстве [34, с. 262–267]. Необходимость наступления преступных последствий следует понимать как неизбежность или реальную возможность их наступления [11, с. 105–107; 16, с. 207–208].

Судебная практика исходит из вменения преступного результата как единого всем соучастникам преступления. Так, в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27

декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечается, что при вменении значительного ущерба гражданину и в крупном размере следует исходить из общей стоимости похищенного всеми участниками преступной группы [22, с. 6]. Аналогичное разъяснение содержится в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [23]. В п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» также акцентируется внимание на вменении соучастникам получения взятки или коммерческого подкупа общего результата их действий [21, с. 5].

Единство преступного результата при соучастии определяет особенности причинной связи, которая существует между общим деянием соучастников и единым для них преступным результатом. Однако многие авторы полагают, что причинная связь должна быть между действиями каждого из соучастников и общим преступным результатом [5, с. 9–11; 10, с. 6–7; 30, с. 134, 137]. Такая позиция обосновывается необходимостью установления роли каждого соучастника при совершении ими одного преступления, которая является различной с точки зрения содействия преступному результату [34, с. 262–267]. Вместе с тем этот вклад необходимо рассматривать как составную часть общей причины – совместного деяния. Абсурдность критикуемой позиции состоит в том, что преступление совершается одно, а причинных связей выявляется несколько.

Безусловно, действия каждого из соучастников не могут содержать в себе реальную возможность причинения вреда, которая требуется для причинной связи. Такое возможно только в случае группового посягательства, когда действия каждого из соисполнителей являются тождественными или однородными. При соучастии с юридическим разделением ролей лишь действия исполнителя содержат реальную возможность наступления преступного результата. Исходя из этого, в литературе было высказано мнение о наличии при соучастии двух видов связи между деяниями соучастников и преступным результатом, а именно: причинной связи и обуславливающей связи [15, с. 396; 25, с. 125; 32, с. 89–90]. Теоретические истоки обуславливающей причинной связи вытекают из позиции дореволюционных юристов о том, что при совместной деятельности нескольких лиц не следует видеть одно преступление [33, с. 17, 21].

Различие между двумя видами связи поясняет Н. Ф. Кузнецова: «При причинной связи действие (бездействие) само порождает, продуцирует, воспроизводит последствия. При обуславливании одно явление лишь создает возможность, которая реализуется посредством появления последствий» [17, с. 241–242]. На наш взгляд, при таком подходе может быть расширен круг лиц, которые будут нести уголовную ответственность как соучастники преступления. Прецедент подобного рода содержался в п. 8 ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 5 ноября 1998 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения», где давалось расширенное понятие укрывательства как пособничества в случаях систематического приобретения предметов, добытых преступным путем, от одного и того же лица [20, с. 3]. Представляется, что квалификация такого приобретения как пособничества возможна только в тех случаях, когда между укрывателем и исполнителем преступления есть предварительная договоренность о приобретении предметов, которые будут добыты в результате совершения нескольких преступлений. Такая ситуация имела место при систематическом содействии Соболевым и Григорьевым в сбыте радиодеталей, похищаемых Лабутиным, Исаковым и др. лицами с завода [26, с. 149–151].

Противоречивую позицию по этому вопросу занимает В. П. Алехин. Применительно к соисполнительству он отмечает, что действия каждого из виновных в совокупности составляют причину преступного результата и выступают составной частью общей причины, вызывающей преступные последствия, при этом вклад отдельного соучастника в рамках общей

причины может быть различным. Для соучастия с юридическим разделением ролей автор считает необходимым оказание каждым соучастником воздействия на сознание исполнителя (соисполнителей), что является частью общей причины совершения им преступления. В результате действия любого соучастника должны быть необходимым условием наступления преступного результата [2, с. 9–10]. Представляется, в решении данного вопроса следует исходить прежде всего из того, что при соучастии совершается одно преступление, которое является причиной преступного результата. Поэтому причинная связь должна устанавливаться только между общим деянием соучастников и единым для них преступным результатом [12, с. 49–50]. Данная причина является совокупностью многих обстоятельств, в различной степени содействующих наступлению преступных последствий [12, с. 49].

Такая позиция выражена в новой постановке вопроса в философии о причинной детерминации, в соответствии с которой следствие определяется совокупностью всех необходимых условий. Эта совокупность является полной причиной, которая состоит из специфической причины, именуемой ранее причиной, и кондициональной причины, именуемой ранее условием. Специфическая причина направлена на следствие, кондициональная причина – на специфическую причину, на приведение ее в активное состояние, превращение возможности явления в действительность [1, с. 417–419]. Адаптируя эти положения к проблеме соучастия в преступлении, можно сделать следующие выводы. Полной причиной преступного результата при соучастии как следствия является совместная деятельность соучастников, состоящая из совокупности необходимых условий, представленных деяниями каждого из соучастников, образующих в своем единстве реальную возможность наступления преступного результата. Специфической причиной преступного результата является деяние исполнителя преступления, которое в конечном счете порождает этот результат как следствие, создает реальную возможность такого следствия и в этом смысле является главным в механизме причинения вреда. Действия иных соучастников преступления являются кондициональной причиной, которая способствует действию специфической причины – деянию исполнителя.

Теоретические основы поддерживаемой нами позиции содержатся уже в работах дореволюционных юристов. В частности, Н. С. Таганцев исходил из совместной виновности нескольких лиц, их единении в преступной деятельности [27, с. 326–327]. При этом он не отрицал необходимости учета вины каждого соучастника [27, с. 363].

Изложенные обстоятельства свидетельствуют, что причинную связь следует понимать как явление социальное, а не физическое, которое не существует как признак состава преступления без его осознания лицом, совершающим преступление. Несмотря на то, что большинство исследователей подчеркивают объективный характер причинной связи, они нередко увязывают ее установление с волевым и осознанным характером преступного поведения. Так, Т. В. Церетели указывает, что предельно мыслимой границей общественной опасности деяния является реальная возможность лица оказать воздействие на фактический ход событий [34, с. 139]. М. И. Ковалев отмечает, что причиной выступает не только телодвижение или система телодвижений субъекта, но и сознательное использование им обстоятельств, которые в совокупности с телодвижениями образуют общественно опасное действие [11, с. 98]. Сходные суждения высказывают и другие исследователи [19, с. 119]. Однако дальше всех в разработке этого вопроса пошел А. А. Тер-Акопов, который указывал, что для соучастия свойственна информационно-психологическая причинность, при которой поведение одного служит причиной поведения другого даже при отсутствии между ними физического взаимодействия. [30, с. 279–284, 308, 313].

Совместность умысла соучастников характеризуется особенностями интеллектуального и волевого моментов. Особенности интеллектуального момента состоят в осознании каждым из соучастников взаимной обусловленности деяний друг друга и в предвидении единого результата совместного деяния и осознании причинной связи между общностью деяния и единым результатом. Осознание каждым из соучастников этих обстоятельств предполагает

наличие между ними двусторонней субъективной связи, которая может выражаться как в детальном знании о деяниях друг друга, так и в знании соучастниками только о намерении двух или более лиц совершить определенное преступление совместно и в знании о характере совершаемых преступных действий. Особенности волевого момента состоят в совместности волевых усилий соучастников [4, с. 108–109], которые воплощаются в наличии у них общей групповой цели, реализуемой в преступлении. Отсутствие совместного умысла означает отсутствие соучастия в преступлении. Так, приговором Липецкого областного суда Гаврилов был осужден за соучастие в убийстве Терехова, совершенное Носовым, который задушил потерпевшего. Суд усмотрел соучастие Гаврилова в том, что он ударил потерпевшего по шее без намерения убить его, а также в том, что Гаврилов и Носов надели на убитого мешок и бросили его в реку [26, с. 132–134]. Отметим, что совместность умысла не исключает того, что мотивы и конкретные цели участия в преступлении каждого из участников могут быть различными [28, с. 122–132].

Некоторые исследователи признают наличие соучастия при наличии односторонней субъективной связи, при которой лицо, совершившее преступление, не знало о сознательно оказанном ему в этом содействии [3, с. 105–109]. Такая степень осведомленности соучастников о действиях друг друга получила в литературе еще другое наименование – минимальная субъективная связь [31, с. 77]. На наш взгляд, в этих случаях исполнитель преступления в определенном смысле является орудием преступного посягательства в руках других лиц. Проблема в данном случае состоит в обосновании уголовной ответственности лиц, содействовавших совершению преступления. П. Ф. Тельнов, критикуя позицию Ф. Г. Бурчака, отстаивающего соучастие с минимальной субъективной связью, предлагает рассматривать оказанное исполнителю содействие как приготовление к преступлению [29, с. 52]. Такой подход вызывает возражения в силу недопустимой аналогии уголовного закона, а также в силу того, что созданные для совершения преступления условия уже реализовались.

Нет психической общности и в неосторожных преступлениях, при совершении которых лицо не в состоянии предвидеть, а тем более предотвратить последствия неосторожного преступного поведения других лиц [12, с. 60–63]. По этой причине вряд ли следует поддерживать иные суждения, в соответствии с которыми соучастие возможно в преступлениях, совершенных по неосторожности [7, с. 84–93; 14, с. 14–15]. Решение существующей проблемы видится в том, чтобы закрепить в уголовном законе неосторожное причинение вреда несколькими лицами, которое определило бы основания и пределы уголовной ответственности каждого из этих лиц [8, с. 36].

В связи с рассматриваемой проблемой отметим, что в судебной практике встречаются ошибочные решения. Так, Караулов и Ширшов были осуждены Тисульским за неосторожное убийство Копылова, произведя одновременно, с одинакового расстояния, из одинаковых ружей и одинаковыми пулями выстрелы по кустам, полагая, что там шумит медведь. В кустах оказался Копылов, которому одна из пуль причинила смертельное ранение. В процессе следствия и судебного разбирательства не установлено, кто причинил смертельное ранение Копылову. Президиум Кемеровского областного суда оставил протест без удовлетворения, сославшись на то, что действия осужденных были объединены общностью умысла, направлены на осуществление единой цели, их неосторожная вина по отношению к общественно опасным последствиям совместных умышленных действий (вина не является единой по отношению к действиям и его последствиям?) является виной соисполнителей. Пленум Верховного Суда СССР отменил все судебные решения, указав, что действия Караулова и Ширшова не являются соучастием, так как смерть потерпевшему причинена по неосторожности [26, с. 128–130].

Итак, совместность преступления соучастников с объективной стороны означает причинение единого преступного результата общими усилиями соучастников и включает в себя общность деяния соучастников, единый для всех соучастников преступный результат и при-

чинную связь между ними. Совместность умысла соучастников характеризует совместность соучастия с субъективной стороной.

Публикация подготовлена в ходе проведения научного исследования за счет средств гранта на развитие научных школ с участием молодых ученых ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет».

Литература

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М. : Проспект, 1998. 566 с.
2. Алехин В. П. Соучастие в террористической деятельности. М. : Юрлитинформ, 2009. 204 с.
3. Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев : Вища школа, 1986. 208 с.
4. Волков Б. С. Мотивы преступлений. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.
5. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации. Краснодар : КГАУ, 2000. 200 с.
6. Галиакбаров Р. Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск : Хабаров. высш. шк. МВД СССР, 1987. 96 с.
7. Гринберг М. С. Технические преступления. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 144 с.
8. Дагель П. С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности // Вопр. борьбы с преступностью. Вып. 34. М. : Юрид. лит., 1981. С. 28–38.
9. Действия лица, совершившего бандитизм и покушение на убийство при этом должны быть квалифицированы по ст. 77 и ст. ст. 15, 102 УК РСФСР // Бюл. Верховного Суда РФ. 1995. № 5. URL: <http://www.vsrf.ru/files/12133/> (дата обращения: 05.03.2018).
10. Зелинский А. Ф. Соучастие в преступлении. Волгоград : НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1971. 43 с.
11. Ковалев М. И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 176 с.
12. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1999. 204 с.
13. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 362 с.
14. Козлов А. П. Соучастие: уголовно-правовые проблемы : дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб., 2003. 502 с.
15. Комиссаров В. С. Соучастие в преступлении // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. 624 с.
16. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М. : Госюриздат, 1960. 244 с.
17. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. 624 с.
18. Курченко В. М. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 427 с.
19. Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2004. 301 с.
20. О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 14 [утратило силу] // Бюл. Верховного Суда РФ. 1999. № 1.
21. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

22. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
23. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Рос. газ. 2017. № 280.
24. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2015. № 2.
25. Питецкий В. В. Объективная сторона преступления // Уголовное право. Общая часть / отв. ред. А. Н. Тарбагаев. М. : Проспект, 2016. 448 с.
26. Судебная практика к Уголовному кодексу РФ / под ред. В. М. Лебедева. М. : Спарк, 2001. 1168 с.
27. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994. 380 с.
28. Тарарухин С. А. Преступное поведение. М. : Юрид. лит., 1974. 224 с.
29. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М. : Юрид. лит., 1974. 208 с.
30. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М. : Юркнига, 2003. 480 с.
31. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 158 с.
32. Трухин А. М. Объективная сторона соучастия в преступлении // Уголов. право. 2008. № 8. С. 86–90.
33. Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юрид. вестн. М., 1891. Т. 7. Кн. 1 (январь). 1891. С. 1–28.
34. Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси : Изд-во Тбилис. Ун-та, 1957. 274 с.
35. Чучаев А. И. Объективная сторона преступления // Рос. уголов. право. Общая часть. М. : Контракт : Инфра-М, 2012. 320 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Вера Петровна – к. ю. н., заместитель директора Центра трансфера технологий и интеллектуальной собственности, старший преподаватель кафедры гражданского и процессуального права Института государства и права, Тюменский государственный университет

Avdeeva Vera Petrovna – PhD (Law), Deputy Director, Center for Technology Transfer and Intellectual Property, Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Institute of State and Law, Tyumen State University

E-mail: v.p.avdeeva@utmn.ru, avdeeva_vera@list.ru

Коваль Андрей Владимирович – аспирант, Институт государства и права, Тюменский государственный университет

Koval Andrey Vladimirovich – Postgraduate, Institute of State and Law, Tyumen State University

E-mail: lawyer13av@mail.ru

Любаненко Андрей Владимирович – к. э. н., доцент кафедры трудового права и предпринимательства, Тюменский государственный университет

Lyubanenko Andrey Vladimirovich – PhD (Economics), Associate Professor, Department of Labor Law and Entrepreneurship, Tyumen State University

E-mail: a.v.lyubanenko@utmn.ru

Манин Вячеслав Анатольевич – к. ю. н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права, Сургутский государственный университет

Manin Vyacheslav Anatolyevich – PhD (Law), Associate Professor, Department of State and Municipal Law, Surgut State University

E-mail: v.manin@mail.ru

Попова Лариса Александровна – к. ю. н., доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет

Popova Larisa Aleksandrovna – PhD (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Process, Surgut State University

E-mail: plawork@mail.ru

Слободенюк Марина Александровна – аспирант, Сургутский государственный университет

Slobodenyuk Marina Aleksandrovna – Postgraduate, Surgut State University

E-mail: 150592@mail.ru

Стенина Любовь Леонидовна – эксперт, Экспертно-криминалистический центр Управления Министерства внутренних дел Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, г. Ханты-Мансийск

Stenina Lyubov Leonidovna – Expert, Forensic Center Administration of Ministry of Internal Affairs of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, Khanty-Mansiysk

E-mail: Khrusten@mail.ru

Сурихин Петр Леонидович – к. ю. н., доцент кафедры уголовного права, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Surikhin Pyotr Leonidovich – PhD (Law), Associate Professor, Criminal Law Department, Siberian Federal university, Krasnoyarsk

E-mail: Peter.Surihin@mail.ru

Трухин Николай Валериевич – старший преподаватель кафедры трудового права и предпринимательства, Тюменский государственный университет

Trukhin Nikolay Valerievich – Senior Lecturer, Department of Labor Law and Entrepreneurship, Tyumen State University

E-mail: n.v.trukhin@utmn.ru

Ушакова Татьяна Александровна – аспирант, Сургутский государственный университет, судья суда Ханты-Мансийского автономного округа

Ushakova Tatyana Aleksandrovna – Postgraduate, Surgut State University, Judge, Court of Khanty-Mansi Autonomous Okrug

E-mail: uta_hmao@mail.ru

Шабуров Анатолий Степанович – д. ю. н., профессор кафедры теории государства и права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Shaburov Anatoly Stepanovith – Doctor of Science (Law), Professor, Theory of State and Law Department, Urals State Law University, Yekaterinburg, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

E-mail: Shaburov.41@mail.ru

Шеслер Александр Викторович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры правоохранительной деятельности и адвокатуры, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Shesler Aleksandr Viktorovich – Doctor of Science (Law), Professor, Law Enforcement and Advocacy Department, Yugra State University, Khanty-Mansiysk

E-mail: sofish@inbox.ru

Шеслер Софья Сергеевна – к. ю. н., доцент кафедры уголовного права, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Shesler Sofya Sergeevna – PhD (Law), Associate Professor, Criminal Law Department, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

E-mail: sofish@inbox.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования материалов авторов

«Вестник Сургутского государственного университета» – рецензируемый научный журнал, издается с 2013 г., 4 раза в год. Основное содержание журнала представляет собой оригинальные научные статьи.

Издание публикует статьи по 3 отраслям науки (по 4 группам специальностей):

03.00.00 Биологические науки (03.02.00 Общая биология, 03.03.00 Физиология);

08.00.00 Экономические науки;

12.00.00 Юридические науки.

Полные тексты статей размещаются в бесплатном доступе на сайте surgu.ru и в базе данных Научной электронной библиотеки на сайте elibrary.ru, сведения о публикуемых материалах включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию статей, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Тип рецензирования – одностороннее слепое (анонимное) рецензирование (рецензент знает фамилии авторов, авторы не знают фамилию рецензента). По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

Редакция оставляет за собой право сокращения и редактирования статей. В случае направления рукописи на доработку исправленная статья (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю.

Недопустимо предоставление в редакцию статей, опубликованных ранее либо направленных в другие издания.

Статьи, не соответствующие требованиям, не рассматриваются.

Для всех категорий авторов публикации бесплатны.

Статья представляется в редакцию в электронном варианте.

Статья и сведения об авторах должны быть представлены в разных файлах, которые передаются вложением в электронное письмо, отправленное по адресу: chalova_ar@surgu.ru. Название файла должно содержать фамилию автора (Иванов_статья.doc; Иванов_сведения.doc).

Все авторы должны предоставить **информацию о себе на русском и английском языках:**

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень (если есть);
- звание (если есть);
- должность;
- место работы (без аббревиатур);
- электронный адрес.

Образец оформления сведений об авторе

Иванова Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Сургутский государственный университет

Ivanova Anna Ivanovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University

E-mail: ivanova@mail.ru

В файле, содержащем информацию об авторе, также должны быть указаны:

- специальность (название и шифр по классификации ВАК);
- контактные телефоны;
- требуется ли печатная версия журнала (да/нет);
- если нужна печатная версия – адрес с почтовым индексом.

Образец

08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством

628412, Сургут, ул. Университетская, д. 7, кв. 32

89221234567

печатная версия журнала требуется

Объем статьи: от 10 000 до 20 000 печатных знаков с пробелами (для статей по экономике – от 15 000 до 30 000 печатных знаков с пробелами), включая аннотацию, ключевые слова, библиографию и иллюстрации.

Структура статьи

1. Фамилия (полностью), имя, отчество (инициалы) автора на русском и английском языках (полужирным курсивом, по правому краю).

2. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима) на русском и английском языках (жирным шрифтом, по центру). Точка после названия не ставится.

3. Аннотация статьи на русском и английском языках (до 8 строк). Слово «аннотация» не пишется. Использование аббревиатур не допускается.

4. Ключевые слова (3–6 слов, для статей по экономике – 5–15 слов) на русском и английском языках.

5. Текст статьи (обоснование актуальности проблемы, основная часть, выводы, предложения).

6. Литература (пристатейный библиографический список источников, на которые автор ссылается в тексте).

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах должны быть переведены профессиональным переводчиком.

Оформление статьи

Текст статьи набирается в программе Microsoft Office Word, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, интервал 1, поля 2 см, абзацный отступ 1,25 см.

Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию.

Использование цветных заливок и выделений не допускается.

Все сокращения и аббревиатуры, кроме общепринятых, должны быть расшифрованы при первом упоминании.

Единицы измерения даются в соответствии с Международной системой СИ.

На все таблицы, схемы и иллюстрации должна быть сделана ссылка в тексте с указанием их номера.

Образец оформления статьи

Филиппова Н.А.
Filippova N.A.

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ
В ПАРЛАМЕНТЕ И ВНЕ ПАРЛАМЕНТА:
РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

**INDIGENOUS REPRESENTATION
IN PARLIAMENT AND OUTSIDE PARLIAMENT:
RUSSIA AND FOREIGN EXPERIENCE**

В статье предложен сравнительный анализ современных институтов публичного представительства коренных народов, их эволюция и особенности в сравнении с институтами представительства иных национальных меньшинств. Определены перспективы использования таких институтов в субъектах Российской Федерации.

This author proposes a comparative analysis of modern institutions for public representation of indigenous peoples, their evolution, and especially, in comparison with other institutions for national minorities' representation. It defines the prospects of such institutions' operation in the Russian Federation.

Ключевые слова: коренные народы, публичное представительство, парламент, консультативный совет.

Keywords: indigenous peoples, public representation, parliament, an advisory board.

При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми. Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, иначе при изменении границ страницы элементы могут смещаться. В диаграммах должны быть подписаны оси координат (при наличии), указаны единицы измерения, объяснены все условные обозначения. При создании таблиц и диаграмм в Excel обязательно прилагается исходный файл в формате .xls.

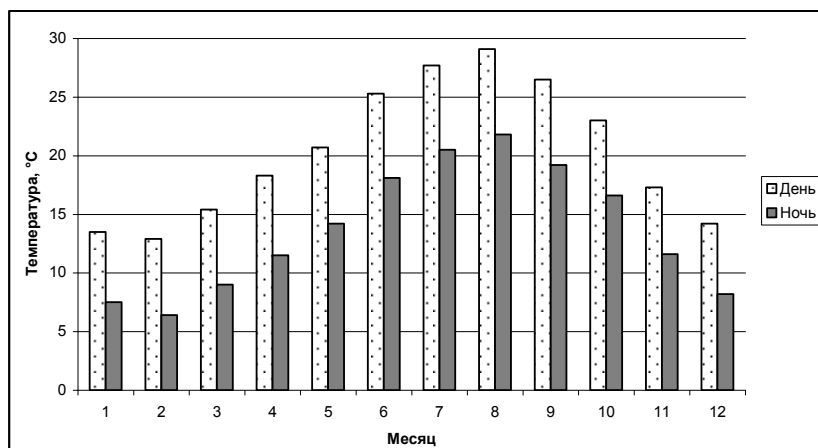
В подписях рисунков шрифт 10, жирный, точки нет, выравнивание по центру. В примечаниях к рисункам и таблицам шрифт 10, обычный, выравнивание по ширине.

Образец оформления таблицы

Таблица 1

Классификация научных исследований

Наименование	Характеристика
Фундаментальное	Направлено на изучение общих соотношений между феноменами, на познание реальности без учета практического эффекта от применения знаний
Прикладное	Проводится в целях получения знания, которое должно быть использовано для решения конкретной практической задачи
Монодисциплинарное	Проводится в рамках отдельной науки
Междисциплинарное	Предусматривает сотрудничество представителей разных областей в решении комплекса проблем (социологии, антропологии, этологии и др.) и проводится на стыке нескольких научных дисциплин

Образец оформления рисунка**Рис. 1. Средняя температура воздуха (г. Барселона)**

У каждой публикуемой научной статьи должен быть приставленный библиографический список, содержащий сведения о других документах, цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи, оформленные в соответствии с требованиями к затекстовым библиографическим ссылкам, предусмотренными ГОСТ Р 7.0.5–2008.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Упорядочение изданий осуществляется по первой букве первого слова библиографического описания. Если первая буква повторяется – соблюдается алфавит второй, третьей и последующих букв. Источники на иностранных языках указываются в конце списка.

Образец оформления списка литературы

Литература

1. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психоллингвистика: теория речевой деятельности : учеб. пособие для студентов педвузов. М. : Астрель ; Тверь : АСТ, 2006. 319 с. (Высшая школа).
2. Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и он-лайн сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml? page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).
3. Карпов В. П. Освоение газовых и нефтяных ресурсов Ямала в 1960-80-е годы // Горные ведомости. 2007. № 12. С. 80-93.

Библиографические ссылки в тексте статьи выделяют квадратными скобками, указывая номер источника в списке литературы (например, [2]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер источника и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [10, с. 81]. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют запятой: [1, 3, 14].

Образцы оформления библиографических ссылок

10. Валукин М. Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М. : ГИТИС, 2006. 251 с.
8. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования : сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования ; под ред. А. Е. Марона. М. : ИОВ, 2007. 118 с.
12. Ефимова Т. Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.
11. Лешкевич И. А. Научное обоснование медико-социальных и организационных основ совершенствования медицинской помощи детскому и подростковому населению г. Москвы в современных условиях : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 76 с.
7. Канарский Д. И. Успех как механизм конституирования социальной реальности (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 23 с.
2. О рынке ценных бумаг : федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 марта 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 апр. 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 25 апр.
1. Приемопередающее устройство : пат. 2187888 Рос. Федерация. № 2000131736/09 ; заявл. 18.12.00 ; опубл. 20.08.02, Бюл. № 23 (II ч.). 3 с.
4. ГОСТ Р 7.0.4–2006. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления. М., 2006. II, 43 с. (Система стандартов по информ., библиотеч. и изд. делу).

Библиографическая ссылка на издание, имеющее более трех авторов

5. Логинов С. И., Басова О. Н., Ефимова Ю. С., Гришина Л. И. Физическая активность человека как фактор адаптации к условиям Югорского Севера // Физиологические механизмы адаптации человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 октября 2010 г. Тюмень: Лаконика, 2010. С. 34–36.

Указываются фамилии **всех** авторов такого документа в том порядке, в котором они перечислены в исходном тексте.

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

1. Дирина А. И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право : сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).
9. О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Переводчик:

М. О. Бенская

Редактор:

Л. И. Манаева

Верстка

О. Н. Медведковой

Фото на обложке

Татьяны Букиной

Оригинал-макет подготовлен в Издательском центре СурГУ.

Тел. (3462) 76-30-66.

Отпечатано в Издательском центре СурГУ.

Адрес учредителя, издателя и типографии:

бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

«Сургутский государственный университет»,

628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.

Тел. (3462) 76-31-79.

Подписано в печать 10.09.2018. Дата выхода в свет 20.09.2018. Формат 60×84/8.

Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 100. Заказ № 62.

Цена свободная.